

Елена
Нестерина

Официантка

«Жизнь, ради которой Марина
так старалась и упоралась, кончилась.
Зеркало мира повернулось к ней
обратной стороной и разбилось».

Романы (Нестерина)

Елена Нестерина

Официантка

«Елена Нестерина»

Нестерина Е. В.

Официантка / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,
— (Романы (Нестерина))

Если вы близнецы, то это нужно использовать! Марина и Карина так и поступили – приехав в Москву бороться за счастье и богатство, они устраиваются в ресторан официантками. Особенность ресторана – официанты там только близняшки, вот это да! Хотя и не такие чудеса бывали в лихие девяностые... Карина быстро вышла замуж, а Марина стала делать карьеру и открывать собственный бизнес. Ресторанный. Чтобы уже не прислуживать, а владеть всем самой. Получится ли это у юной акулы бизнеса? И чем придётся пожертвовать ради воплощения мечты?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1. Бойцы ресторанного фронта	10
Глава 2. Тропой войны	25
Глава 3. Подпольный бизнес	32
Глава 4. Первая жертва	36
Глава 5. «Москва будет наша...»	41
Глава 6. Был бы пирожок, а рот найдётся	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Нестерина

Официантка

Пролог

Кот Барсик, как обычно, спал в подсобке на халатах. И именно он в этот день первым попался Марине на глаза.

– А ну, брысь отсюда! Ишь, развалился, барин!

Кот, лениво потягиваясь, не спешил покидать насиженное место.

– Давай, катись колбаской. – Марина пнула кота под жирный бок. – Чего притихли, жалостливые? Развели тут зверинец. Придёт санэпидстанция – и получим за него по ушам...

Не вовремя оказавшиеся в неудачном месте сотрудники вжались в стены и постарались слиться с интерьером.

Марина направилась к двери.

Голова раскалывалась. Утро было испорчено – бесило всё.

Марина бродила туда-сюда по помещениям ресторана. Голова болеть не переставала, и Марина злилась. Есть не могла, курить тоже, организм принимал только минеральную воду. Но скоро вкус этой воды стал так раздражать, что, по пути в бухгалтерию, Марина яростно швырнула стакан в стену.

– Почему выручку такую маленькую делаете? – хмуро оглядев бухгалтеров, спросила она недовольным голосом.

Услышав это, главный бухгалтер начала медленно подниматься из-за стола, а управляющий – тощий старикашка Фёдор Фёдорович – бросился к начальнице и быстро-быстро заговорил:

– Мало сейчас клиентов, Марина Геннадьевна, потому и выручка такая плохая.

– Да ладно, будете мне гнать – клиентов мало! – Марина заглянула в бухгалтерскую книгу, перевела взгляд на экран компьютера. – Клиентов должно быть нормально. А вот выручка вторую неделю вообще никуда. Вы чего?

– Только из-за клиентов, только... – не переставал бормотать Фёдор Фёдорович. – Весна...

– И что – весна? Что, клиенты с деньгами, как перелётные птицы, все на север улетели? Фёдор Фёдорович вздохнул:

– Пост сейчас, Марина Геннадьевна. Великий пост. Вот люди и в рестораны меньше ходят.

– Что?! – Марина решила, что дед шутит, да ещё так не вовремя.

– Истинная правда! – управляющий прижал ладошки к сердцу. – В этом году у всех так по ресторанам. Почти у всех.

– Да не верю я!

– Правда-правда! – осмелевшая главная бухгалтер подскочила к Марине. – В этом году как-то особенно.

– Это что, все вдруг шибко верующими стали? – ехидно прищурилась Марина. – Так что ли, православные вы мои? А где же тогда наши друзья мусульмане и иудеи? Обычно их много, и поста у них сейчас никакого нет. Кто-то хочет меня сегодня разозлить.

– Нет, нет, никто не хочет! Это так и есть, это статистика! – продолжал оправдываться Фёдор Фёдорович.

Но Марина лишь недовольно фыркнула, и Фёдор Фёдорович умолк.

– Ну правда... Едят меньше. То ли действительно постыятся, а то ли так, худеют, вроде как разгружаются, – подхватила бухгалтер, краем глаза замечая, как Фёдор Фёдорович благодарно улыбается ей из-за плеча Марины.

– Модно стало. Весна, лишнее из себя люди вычищают, – добавил Фёдорович. – Вот такая вот мода.

– Эта мода не из их организмов, а из наших карманов кое-что вычищает. – Марина злилась, а подвернувшуюся ей под руку распечатку готова была просто в клочки разорвать.

Но не разорвала-таки, добрая женщина. Швырнув распечатку на пол, она просто покинула бухгалтерию – и через «не могу» долго курила на улице. Яркое весеннее солнце заставляло её жмуриться. «Блин, где мои чёрные очки! – злясь на солнце, подумала Марина. – Теперь вот морщины под глазами вскочат. Бегай с ними по врачам... Достали вы меня все, ох, достали!»

С такой жизнерадостной мыслью она вошла в ресторанный зал. Посетителей и в самом деле было мало, как никогда. Или это традиционно их уже так мало? Ведь Марина давненько что-то в зал не выходила, некогда было. Всё, осыпается бизнес? Уволить всех на хрен, кого понабрала! Ну, точно – разорить её хотят, по миру пустить... Гады, ну какие же гады.

Возле стойки бара на полу что-то собирала официантка. Марина подошла...

На ковре валялись осколки разбитых тарелок и рассыпанные объедки. Метрдотель стоял над официанткой, ничего не говорил.

Марина посмотрела на всю эту картину и велела метрдотелю и девице идти за ней в служебное помещение.

– Она за ковёр зацепилась, – начал было метрдотель, – шла, на кого-то всё оглядывалась, поднос несла. Ну и...

Чуть позвякивая осколками на подносе, официантка послушно стояла возле своих начальников.

На осколке пирожковой тарелки была нарисована медвежья лапа с зажатым в ней мороженым.

«Моя любимая картинка! Ну, почти самая любимая... – подумала Марина. – Разбила. Вот кляча. Вёе я, добренькая... Нет, введу я им штрафы, пусть платят за разбитую посуду. Нечего сюсюкаться – работать совсем не хотят, на шею сели...»

– Как твоя фамилия? – спросила она у провинившейся официантки, которую приняли в ресторан совсем недавно.

– Кривенко, – всхлипнула девушка, решив, что настал её последний час на этой работе.

– Кривенко? Тогда всё с тобой понятно, Кривенко. – Марина усмехнулась.

Официантка была примерно такого же возраста, что и она. Разве что Кривенко – и поругать-то нельзя, что руки кривые.

– Зовут как?

– Валя...

– Вот что, Валя. Ты работать хочешь? – спросила Марина, но посмотрела на «метра».

– Хочу...

– Что такое профнепригодность знаешь?

Осколки на подносе Вали Кривенко громко звякнули и поехали набок, Марина увидела медвежье ушко, носик, расколотый почти точно посередине. Это была картинка с медвежонком-бандуристом, тоже очень красивая, Марина её помнила.

Злость бурлила, как вода в электрочайнике за секунду до его отключения. Вот уроды! Работают как попало, выручку не делают, да ещё посуду такую дорогую колотят!

– Ты понимаешь, что тарелочки все эти эксклюзивные, прямо-таки драгоценные тарелочки, – продолжала Марина нудным от злости голосом.

Валя не могла сейчас произнести ни слова, хотя, видно, девчонка была прожжённая.

– А, по-моему, ничего ты не понимаешь. – Марина нащупала языком волоконце мяса, который со вчерашнего ужина застряло у неё между зубов и только теперь наконец-то выскочил. – Короче, всё, я тебя увольняю.

Официантка зарыдала. Платила Марина очень хорошо, и чаевые в «Генерале Топтыгине» были – просто мечта официанта. Где ещё такое же хорошее место быстро найдешь?

Марина села на диван в своём кабинете и сжала голову руками. Какой позор! Неужели она в свои двадцать три года превращается в противную бабу-скандалистку? В гадкую, вздорную, капризную? Капризную – ещё ладно, но противную! Вздорную!

Никто её на аркане не тянул давать распоряжение, что за разбитую посуду с официантов не будут ничего высчитывать. Сама так решила. А теперь что, вожжа под хвост попала? Стала девочка капризной? Покобниться захотелось, власть свою показать? Это что – «дорвалась» называется? А сама откуда выползла, кем начинала?

Марина сидела в своём кабинете одна, и никто не видел, как сморщился её нос, как потекли из глаз мутные и злые слёзы. Не видел никто из работников ресторана и не знал, до какой степени их грозная предводительница может быть недовольна собой.

Она стукнула кулаком по чёрной коже дивана. Стыдно, стыдно... Тем более что всему есть мера. Марина всхлипнула. Нет, она не безнадёжная, она хорошая – потому что просто вспомнила, как когда-то сама грохнула поднос, полный посуды, – в те далекие времена, когда и она, и сестра её работали обыкновенными официантками в ресторане «Зеркало».

«Я пёрла вверх, хотела всего добиться, а что вышло? – продолжала разбираться сама с собой Марина. – Стала я самая настоящая эта, как её... фурия! Беспредельщица. Тиранка, сатрапиха! Даже я вот кто – Кабаниха! Точно. Самодурка! А что же мне делать?»

Марина удивленно посмотрела в окно. Но никакого ответа на её вопрос оттуда не вылетело.

«Тю, да мне просто нужен луч света в тёмном царстве!»

Луч света в тёмном царстве представлялся ей в образе любимого мужчины. Которого у неё не было. Никак не было. И нигде они, эти любимые мужчины, для неё не продавались, и напрокат не брались, и случайно не находились. А обычные мужики, не любимые, а просто мужики вообще – Марине надоели. Надоели хуже горькой редьки. И она, уже забывшая про официантку Кривенко (потому что решила её простить и оставить работать), опять злобно сжала губы.

– Достали. – В сердцах Марина бросила на пол пластиковую бутылку с минеральной водой.

Бутылка упала. Марина пнула её изо всех сил, бутылка завертелась, забурилась в неё вода, и Марина, изгоняя из себя злобу, принялась лупить по бутылке ногами, пинать её из угла в угол. Хотелось, чтобы пластик лопнул, бутылка взорвалась, зашипела – глядишь, Марина и успокоилась бы. Но бутылка не поддавалась. И Марина, гоняя упрямую бутылку и теряя последнее самообладание, закричала:

– Задрали!!! Как вы меня все задрали!

– Ну что ж это такое? Вы уже задрали меня оба! – Карина никак не могла найти второй синий носок мужа. Один нашла под кухонным столом, а второй как в воду канул. Сынок таскался за ней по квартире, пытался помочь что-нибудь сделать, но на вопрос: «Где твои шапка и шарф?» – вот уже полтора часа отвечать отказывался.

– Мы пойдём гулять? – поднывал сынуля, цепляясь за Каринины ноги и не давая ей нагнуться и заглянуть под диван.

– Конечно, пойдём. – Карина старательно попыталась взять себя в руки. – Только сейчас найдём папин носок, и шапку твою найдём, да, сынок? Шарфик тоже отыщем – и сразу на улицу. Вы будете хоть когда-нибудь всё на место класть? А? Вещи свои на место. Как? Будете?

Карина не могла объяснить, почему на неё, обычно ровную и спокойную, вдруг нашло такое раздражение. И не раздражение даже, а злость самая натуральная. Хоть прямо бери все тряпки, которые удалось-таки отыскать за это время по квартире, и метай в стены. Конечно, это злость на гадких оборотов – большого и маленького, которые никак не могут привыкнуть убирать свои вещи за собой, а не по всему дому раскидывать. Ходи, собирай их барахло, ищи носкам пару. А в это время здоровый будет на диване лежать, а маленький под ногами крутиться!

В данный момент «здоровый» находился на работе, деньги зарабатывал, «маленький» же, обычно такой хороший, действительно крутился под ногами и этим ужасно злил Карину.

Носок нашёлся – он оказался в горшке с цветком. Внутри носка лежал шарик для пинг-понга и кусок булки.

– Твоя работа? – Карина подняла носок над головой сына.

Малыш отвернулся и ничего не сказал.

– Знаю я вас. – Карина направилась к стиральной машине. Злость постепенно проходила. И было уже стыдно. Карина думала, что она плохо обращалась сейчас с ребёнком и орала на него без всякого повода.

«Сделаю из него истерика, – мелькнула у Карины мысль, – заполошного какого-нибудь, если буду так с ним себя вести. Подумаешь, шапку потеряли! Найдется шапка, и миллион других шапок, вместе с носками и шарфиками. А мальчик у меня один».

С этой мыслью Карина уселась на пол, взяла сына на руки и принялась петь песенку, прихлопывая в такт ногами. Сын засмеялся – на маминых тапочках были пришиты головы когда-то растерзанных или умерших от старости мягких игрушек – на левом головка собачки, а на правом – тигрёнка. И сейчас они словно подтанцовывали под мамино пение. Мальчик протягивал руки к подпрыгивающим игрушкам, взвизгивал и подпевал, потому что хорошо знал эту песню.

«Кто это ещё меня тут задрал? – Карина удивлялась себе, той, которая почти что фурией моталась по квартире несколько минут назад. – И чего это я разошлась? Всё хорошо, все живы-здоровы, чего бузить?»

Но ведь пока она тут сидит дома, могло что-нибудь случиться. С кем? С кем угодно.

Карина поднялась с пола и взяла в руки телефон, набрала знакомый номер.

С мужем было всё в порядке, скоро он уже собирался на обед. Может, сестра?

Карина посмотрела на себя в зеркало, попыталась пропеть ещё один куплет милой песенки, которую так любил сынулька. Но как-то не пелось. Лицо в зеркальном отражении перекашивалось от злости и чуть не плакало.

«Нет, я всё-таки найду эту дурацкую шапку. – Против своей воли упрямо думала Карина. – И шарф найду. Куда они его закинули? Только проблемы мне создают. Совсем я утопаю в этом домашнем болоте».

С этой мыслью Карина отыскивала мобильный телефон и набрала Марину.

Марина расправилась, наконец, с бутылкой. Она так высоко подняла ногу и так прицельно ударила острым каблуком «шпильки», что бутылка не выдержала и лопнула. С шипением брызнула вода – и Марина с облегчением вздохнула.

Тут раздался телефонный звонок. Марина встряса всё из сумки, пока телефонная трубка не попала к ней в руки.

– Марин, у тебя всё хорошо? – донёсся до Марины голос сестры.

Карина и Марина были близнецами. Похожими друг на друга до невозможного.

- Карин, скажи, я монстриха? – услышала Карина в ответ.
- Какая ещё монстриха? – У Карины чуть трубка из рук не выпала.
- Мерзкая, злая монстриха. Да?
- Марина, ты где? Ты на работе? В ресторане ты, да? Говори! – Карина волновалась и понимала, что не напрасно. – Может, ко мне приедешь? Приезжай, мы тут песни поём.
- Нет, сначала скажи, я... – Марина не унималась.
- Ничего подобного! Никакая не монстриха! Ты хорошая. Приезжай, Маринка! Я жду.

Когда Марина оказалась у сестры дома, то немедленно разразилась слезами.

– Хорошо тут у вас. – Только и сказала, когда успокоилась.

Карина видела, что сестре плохо. Ей самой хотелось плакать из-за этого.

– Слушай, Каринка, – будто очнулась Марина, встряхивая попавшегося ей в руки игрушечного клоуна в высоком колпаке, – а представь, что ты – это я. И вот поймал тебя, то есть меня, колдун. Поймал и говорит: я тут желания исполняю, выбирай, чего тебе больше хочется. Но только что-нибудь одно выбирай. Или вот тебе семья в комплекте с любимым человеком, очень даже хорошим, любимым-любимым, или дела, которые идут отлично, во всём везёт, денег море. Что бы ты, то есть я, выбрала? А?

Карина посмотрела ещё раз на сестру, подобрала клоуна и ответила:

– Думаю, ты, которая сейчас, выбрала бы любимого человека. С комплектом.

– Вот хренушки! – Марина махнула в воздухе клоуном. – Ничего и не так. Я бы взяла колдуна за бороду и сказала – давай, колдун, мне сейчас и того, и другого. Только что-нибудь одно мне мало. Давай, иначе я загнусь. Помру. Ты же добрый колдун, ты не хочешь моей смерти. Дай, а?

– При чем же здесь колдун? – удивилась Карина. – Так и без колдунов всё это может быть!

– Где же оно? – Марине, похоже, надоело капризничать.

– Ох, а не кажется тебе, Марин, что кто-то у нас с жиру бесится?

– Глупости какие. Никто не бесится. – Сказала Марина серьезно. – Есть тут одна счастливая мамаша и одна несчастная женщина. Но она очень сильная и мощная, попрошу не забывать. Она всех сделает... Ладно. У тебя мне и правда полегчало. Я – позитивна.

– Конечно! – Обрадовалась Карина: сестричка, похоже, действительно успокоилась.

– Я сегодня одну девицу чуть не уволила. В гневе. Но я же хорошая. Я быстро стала делать всё правильно. Я её простила. Знаешь, за что хотела уволить? За поднос. Раздолбасила на фиг поднос посуды с моими медведями.

– Помнишь, как мы с тобой... – начала Карина, но сестра перебила её:

– Я только хотела сказать. Помню. Ну вот я и не уволила. Молодец я? А? Мне же ведь это зачтётся как доброе дело? Что не уволила. Ну, Карин, зачтётся?

– Да...

– Это всё нервы... – Марина вздохнула. – так, ладно. Я есть хочу. Да – уже хочу и могу. А то не могла. Как будто сто кошек в рот нагадили. Теперь всё хорошо.

– Ой, Марин, – подхватила тут же Карина, – пойдём скорее, у меня борщ...

– Борщ – это «пять»... – Марина подмигнула племяннику. – Так что часочка два у тебя посижу, а там и вернусь. Ищут, поди. Куда они без меня.

Когда Марина уезжала от сестры своей кроткой, она снова была уверена, что делает всё правильно, что она, Марина, самая лучшая женщина на свете. И что все препятствия, которые она преодолела на своём пути вверх, были специально сделаны для того, чтобы сейчас, почти уже на вершине, Марине стало наконец полегче и поудачливее. Что вот она, жизнь, только начинается.

А жизнь Марина очень любила.

Часть первая

Глава 1. Бойцы ресторанного фронта

– Куда-то штаны запихнула, не найду... – одной рукой придерживая стопку спецодежды, а другой вытягивая белые брюки из кучи, сонно ворчала кругленькая повариха с румяными от мороза щеками.

– Здравствуйте, Валентина Павловна, – хором сказали ей Карина и Марина. Девочки были точными копиями друг друга, как, впрочем, и все официанты в ресторане «Зеркало», потому что официантами набирали туда только близнецов.

– А, новенькие! Ну здравствуйте, – ответила им Валентина Павловна – повар холодного цеха. – Что, осваиваетесь в нашей смене?

– Потихонечку, – ответила Марина, не забывая здороваться со всеми остальными, кто появлялся в подсобном помещении ресторана.

Было одиннадцать часов утра, начиналась очередная рабочая смена.

Наташа Орехова, метрдотель, подошла к сёстрам Карине и Марине.

– Так. Не забудьте, завтра кто-нибудь из вас дежурным официантом будет. Сейчас внимательно ещё раз посмотрите, как Володька вилки-ножи-фужеры будет считать и записывать, а я ещё после вам объясню. Ага? Эй, девицы! Хорош курить, время двенадцатый час, надо собираться. И в зал, в зал давайте.

В зале было невозможно холодно. Пока метрдотель и Володя метались с журналом, подсчитывая рюмки, фужеры, ложки, тарелки и прочее, официантки принялись стелить скатерти и расставлять приборы и посуду на столики, которые со вчерашней смены остались не сервированными. Всё они делали быстро – и чтобы согреться, и по привычке. Марина с Кариной так быстро ещё не наловчились, но старались изо всех сил.

– Нет, ну что, трудно было засервировать? – негодовала официантка Света, яростно натирая ножи и вилки белой салфеткой. – Всё, мы им тоже так завтра оставим! Ну надо же, столько столов пустых! Это они специально, я знаю.

– Светка, да что ж ты с утра так разошлась-то, как старый самовар! – подошёл к ней швейцар дядя Миша.

– Да ну, дядь Миш, у меня слов нет, одна злость на них, такие девки в той смене ленивые...

До открытия ресторана был ещё почти час. Весело светило морозное солнце через стёкла больших окон, перебегали искры по блестящим приборам на столиках, а работа ещё даже не началась. Марина с ужасом подсчитывала часы, которые им придётся провести сегодня в стенах этого ресторана. Солнечная радость дня сменится сумерками, сумерки темнотой и пляской городских огней, и только когда из ресторана уйдёт последний посетитель, вся грязная посуда и остатки еды будут убраны, мебель ровно расставлена, а чаевые тихонько посчитаны и поделены, им, официанткам, можно будет отправиться по домам. Завтра ещё один такой день, затем два дня выходных, после снова на работу – и этому не будет конца.

Не пребывание в ресторане, среди весёлой и в основном приятной публики, а подневольный труд официантки, не сравнимый даже с работой уборщицы, тяготил Марину. Она осторожно натирала принесенные с кухни рюмки и фужеры, ожидала, через каждые три минуты глядя на часы, когда начнётся работа, и думала. У соседней тумбочки тонко позвякивала хрусталём сестра её Карина, ответственная и исполнительная, которая сразу запомнила и как сервировать столик, и как правильно свернуть крахмальную салфетку, и то, что блюдо официант

подаёт клиенту, подходя с левой стороны, а наливает вино и напитки с правой, и ещё множество прочих тонкостей. У Марины получалось не хуже, просто не сразу. Но, глядя на Карину, у которой всё выходило ловчее, Марина, как обезьяна, перенимала то, чему их успели научить.

Вот Карина возится с вилками и салфетками, расставляет тарелки ровненько, один прибор строго симметрично другому, двигает стулья, ровняет скатерти. Да, Карине с детства с вещами было легче и интереснее, чем с людьми. А вот ей, Марине, наоборот. Вещи должны служить людям – это она точно знала, а потому никакой особой с ними возни!

Поймав тонким боком фужера солнечный луч, который, блеснув, послал «зайчика» в острый зубчик вилки на дальнем столике, Марина вдруг подумала, что вот возьмёт сейчас этот фужер первый посетитель, которого она будет обслуживать, и разобьёт. А не будет свидетелей – и спишут бой на неё. И это будет несправедливо, потому что стоит такой фужер 15 у. е., как написано в журнале учёта, и сдерут эти 15 у. е. с неё как с липки.

Невесёлые, прямо-таки упаднические мысли Марины прервало появление администраторши Альбины, которая, не успев войти в зал, тут же вступила в схватку с метрдотелем Ореховой. С прошлой смены недосчитались двух рыбных вилок и десертной тарелки, о них-то, хлопая время от времени ладонями по листам журнала, и спорили сейчас Альбина и правдолюбка Орехова.

– Да, неприятно денёк начинается, – сказала официантка Наташа, и Марина с Кариной подошли к ней поближе.

– Куда же они делись, эти вилки? – спросила Карина. – Не посетители же утащили?

– Да ладно вилки, – отмахнулась Наташа, – вон уже и бухгалтерша с управляющим успели наехать – недостача у нас. Прямо хоть хватай Светку и увольняйся отсюда. Всё на официантов вешают.

– Как – недостача?

– Да я ж говорю, что такого не может быть! – От дальней тумбочки с посудой уже спешила Наташина сестра Света. – Я все записи сверяла и в компьютере смотрела. Вот заказы на нашу фамилию, вот счёта. Я всегда в счёт записываю сразу! Мы всё правильно выписывали. Вот заказы за ту смену.

И целая пачка чеков и небольших листков из блокнота разлетелась вокруг неё.

Карина и Марина очень хотели понять, что произошло. Однако приставать сейчас с расспросами к Свете, которая едва не плакала, не стали.

Наташа подобрала бумажки, разбросанные сестрой, принялась шептать ей на ухо, затем повела успокаиваться и курить к входной двери под тёплый воздух кондиционера – единственное спасение замерзающих в шёлковых блузках официанток пока ещё пустого ресторана.

Вся посуда была уже перетёрта и расставлена, мебель и скатерти в порядке, поэтому Марина и Карина тоже смело двинулись погреться под кондиционер, где под его благословенным теплом уже высыхали Светины слёзы. Этому как мог способствовал и швейцар дядя Миша, который гладил девушку по плечу и в такт успокоительным словам кивал своей благообразной головой.

– Вот, девчонки, так что смотрите в оба, когда заказ на кухню несёте, – хлопнула носом Света, обращаясь к Марине и Карине, которые стояли около неё с сочувствующими лицами, – что вам заказали, ещё раз у клиента переспросите...

– А то может получиться так, что вам на кухне приготовят, а клиент скажет, что этого не заказывал. И тогда вам платить за эту еду, – добавила Светина сестра, – никуда не денешься.

– Ой...

– Да.

– У вас так и получилось в ту смену, да? – спросила Марина, которая хотела всё для себя прояснить.

– А, – махнула рукой Наташа, – у нас другое. Тут правды не найдёшь. Короче, получается, что мы одно количество заказов сделали и денег за них принесли, а на кухне по их записям выходит, что мы больше заказывали. Понятно?

– То есть появились неоплаченные заказы, которые мы, получается, в зал клиентам отнесли, а денег за них не взяли, – пояснила Света, нервно закашлявшись. Дядя Миша постукал её по спине.

– Ну, на кухне же на них есть вот такие бумажки, заказы, а в наших счётах, которые мы даем клиентам на оплату, таких блюд не значится. Не сходится, то есть, наше и на кухне. И через кассу они не проходили. Ясно? – Видя, что Карина и Марина непонимающе хлопают глазами, добавила Наташа. – То есть никто за них не заплатил, а кухня готовила.

– А-а, кто-то съел, но денег за эти заказы в кассу не пришло? – сказала Марина.

– Ну да, – кивнула, наконец, Света, – то есть их вообще, скорее всего, никто не ел и не видел, потому что нам не заказывали такого, правда, Наташ?

– Не наказывали. Да.

– И я говорю, что не заказывали. А теперь получается, что влетели мы на стейк из лосося, два этих дурацких салата и в баре ещё на четыре стопятидесятки вина «Каберне Совиньон-Канепа». Иди вон посмотри в карте вин, сколько этого винища бокал в сто пятьдесят грамм стоит... – И из глаз Светы опять покатались слёзы.

Марина и Карина перепугались не на шутку, но времени натикало почти двенадцать часов дня, поэтому отступать уже было поздно. Метрдотель Орехова уже манила всех официантов к своему столу. Света затушила сигарету, вытерла с лица последние капли своего горя и подмигнула Карине с Мариной: «Да ладно, прорвёмся». Обе сестры, не сговариваясь, преданно кивнули ей.

– Значит, так, мои дорогие. – Раскрыла свой рабочий журнал Орехова. – Сегодня у нас вторник, бизнес-ланчи как обычно, банкетов никаких нет, заказанный столик всего один, на шесть часов вечера. Внимательно все следим, кто что заказывает, на чью фамилию, управляющий сегодня будет весь день. Света, Наташа, не огрызаться с ним...

– А чего он привязывается, чушь какую-то несёт: то одно не так, то другое! Сам ни фиги не понимает... – Света нервничала и щёлкала кнопкой шариковой ручки.

– Пусть привязывается, – ответила Орехова, поглядывая на входную дверь, к которой уже шёл посетитель, – что мне, учить тебя? Говори «да-да, всё будет исполнено», а сама делай свои дела. Управляющий же должен управлять в ресторане, а, как ты думаешь? Руководить...

– Понимаю. – Света продолжала щёлкать ручкой.

– А раз понимаешь, так и делай. Не нарывайся, Светка, я тебя прошу. – Снова предупредила Орехова. – Да прекрати ты ручкой щёлкать, сколько раз говорила, чтоб не заводили себе ручки с кнопками! Клиентам на нервах играть?

С этими словами Наташа вырвала у официантки ручку, и пока Света ныла, что у неё другой нет, что как же она теперь будет, бедная-несчастливая, Орехова уже успела вернуться с новой ручкой для неё.

– На тебе орудие труда. И смотри, Светка, бери столы как следует, ушами не хлопай. Всех иначе подставишь. А мы из своего кармана платить не хотим. Поняла?

– Да поняла, что уж тут непонятного-то... – вздохнула Света, вслед за остальными официантами направляясь ко входу в ресторан.

И работа началась...

Наступило время бизнес-ланчей. Это было одно из самых неприятных занятий для официантов – сотрудники близлежащих офисов сползались в «Зеркало» и старались съесть максимально много из того, что предлагалось рестораном из оплаченного их фирмой обеда. Чаевых от них быть не могло, но вот разборки и придиры – в избытке. Параллельно бизнес-ланчам

шло обслуживание и в основном зале, но Марина и Карина, как новенькие, были поставлены только на ланчи, и потому носились в эти часы как угорелые.

– Карина, что ты пальцами прямо в тарелку лезешь, – подождав, когда Карина появится на кухне за очередной порцией, заметила её администратор Альбина, – блюдо нужно составлять с подноса одной рукой, придерживая тарелку снизу, а не пальцами там своими грязными ковыряться.

– Но она же такая тяжелая... – Карина, попыталась взять широкую тарелку, на которой лежали четыре кучки салата и большая курица посередине, так, как требовала Альбина.

Но рука Карины сразу же выгибалась вниз вместе с тарелкой, и ей невольно приходилось изо всех сил прижимать её большим пальцем, который действительно от этого вминался в салат.

– Не могу я так, – взмолилась Карина, – можно, я двумя руками буду тарелки эти составлять?

– Нет, голубушка, – сощурила свои и без того маленькие глазки Альбина, – не можешь – это твои проблемы. И называются они – профнепригодность.

– Да у меня просто сил не хватает! – попыталась объяснить Карина, но администратор уже торжественно отвернулась от неё и направилась к выходу.

Тут появилась Марина. Быстро нашлёпав себе на поднос тех же больших тарелок с бизнес-ланчами, она увидела огорчённую сестру и, бросив поднос, подбежала к ней.

– Карин, ты чего? – заглядывая сестре в лицо, волновалась Марина.

– Не могу я тарелки эти одной рукой на стол составлять, а Альбина на меня ругается, говорит – профнепригодность, – сбивчиво объяснила Карина.

– А как ты ставишь? – спросила Марина.

– Просто, двумя руками. А если хочу одной рукой поставить, палец в еду сразу лезет. Ужас, я не знаю, что и делать...

– Ничего не делать! – весело ответила Марина. – Иди глянь, как я их шурую, вообще упадёшь. У меня тоже сил нет их одной рукой держать. А Альбина ещё раз пристанет, сразу зови меня или проси, чтобы она прямо при клиенте тебе показала, как надо.

Сёстры отправились в зал, где за одним столиком прямо-таки изнывали в ожидании своего ланча не особенно утомленные работой канцелярские труженики какой-то конторы. Марина лихо опустила свой поднос на тумбочку и принялась метать тяжёлые тарелки, словно диски, прямо под нос едва успевающих реагировать клерков. Девушка не утруждалась: не задумывалась ни над тем, с какой стороны нужно заходить к ним с блюдом, ни над тем, как раскладывать приборы для их ланча. Она не вдавалась в подробности того, на сколько сантиметров от края стола поставлена тарелка перед клиентом. Раз-раз-раз – только её и видели. Тем более что это был последний на сегодня её столик с бизнес-ланчами.

– Марин, куда ты летишь? – спросила Карина, едва они с сестрой спрятались в уголке кухни. – Ты же тем двум вилку и нож вообще по диагонали положила, как для десерта. Они их даже искать начали...

– А что мне с ними рассусоливать? – удивилась Марина. – Чаевых от них как от козла молока. А поэтому работать с такими клиентами надо по принципу школьной столовой: «Пожрали и отвалили». И все, никаких сюсей-мусей.

– А недовольны будут?

– Да они все время чем-нибудь недовольны. Плевать я на это хотела, и никакая Альбина нам тут ничего не сделает. – Марина пожала плечами. – Не устраивает Альбину наша работа, пусть нас не ставит на эти дурацкие бизнес-ланчи. Я люблю с клиентами разговаривать, общаться, а это что, ты мне скажи? Что это за клиенты?

– Да, да...

– Я свои силы и нервы для клиентов получше поберегу, а с этими только жизнь свою молодую впустую тратить. – Сморщилась Марина. – Хоть улыбайся им, хоть морду наизнанку выверни – им всё по барабану. Главное для них – сожрать на положенную сумму, а если можно, то и побольше. Ведь на халяву же, на денежки конторы. Нет, Карин, хоть ты тресни, не люблю я эту публику.

– Буржуев любишь?

– Нормальных людей. Которые знают, чего требуют. Знают, за что платят. И никогда зря не выделяются. Потому что уважают – и себя, и тех, кто для них работает. А эти... Посмотри, что это за рожи – они считают, что все вокруг им обязаны.

– Да, – вздохнула Карина.

– А мы им абсолютно ничего не обязаны. – Марина развела руками. – Поэтому я и буду с ними такая...

– Какая?

– «Работница питания, приставлена к борщам, – пропела Марина, – На Танечку внимания никто не обращал...»

И даже дробь туфлями выбила.

– Вот мы какие будем с ними, Каринка. Они на нас внимания не обращают, а только повышенного внимания к себе требуют. И мы на них ноль внимания. Понятно?

Карина улыбнулась и согласно кивнула.

– Всё, не волнуйся, – Марина положила руку на плечо Карины. – А то устанешь быстро.

Если честно, Марина сама уже очень устала, но говорить об этом сестре – значило выбить её на весь оставшийся день из рядов бойцов ресторанного фронта. Карина тут же устанет за двоих – и тогда всё...

– Что, поёте? – в коридор, где стояли Карина и Марина, выглянула повар холодного цеха.

– И даже пляшем, Валентина Павловна, – улыбнулась Марина.

– И пляшете. Ишь ты... Я смотрю, вы, значит, ещё не особенно притомились? Ну-ка супчику вот съешьте, – скомандовала Валентина Павловна. – Вы ведь не пообедали ещё, да? Димка, наливай девчонкам супа. А на второе макароны с поджаркой.

Добрый краснолицый шеф-повар Дима нагрузил Карине и Марине по подносу полагавшегося всем работникам ресторана обеда (деньги за эти обеды начальство потом вычитало из зарплаты), и только сёстры направились с ними туда, где можно было сесть и поесть, как на кухню примчалась метрдотель Орехова.

– Девчонки, быстрее, позже будете есть, там наплыв народа! – закричала она.

И сёстры, оставив подносы с обедом остывать, бросились в зал. Карина схватила меню, Марина – карту вин, и вот они уже стоят возле расположившихся за столом молодых бизнесменов. Бизнесмены, конечно, улыбаются, советуются с Кариной и Мариной, лишь искоса поглядывая в меню, быстро соглашаются на то, что предлагают официантки, смотрят вслед удаляющимся на кухню прелестным двойняшкам и начинают ждать заказанное.

Но на кухне оказалось не всё так радужно. Как ни хотели Марина с Кариной быстро и качественно обслужить милых и улыбчивых молодых бизнесменов, на приготовление их заказов ушло гораздо больше времени, чем было написано в меню.

– Почему-почему? – передразнил сестёр шеф-повар Дима. – Да потому, что вы заказ написать-то написали, а громко мне не крикнули, я занят был, не увидел вашу бумажку, мясо не велел разморозить. Теперь вот стойте и ждите.

– А клиенты? – упавшим голосом проговорила Карина, и за шипением куска лососины на сковородке её почти не было слышно. – Они же ждут... Мы обещали. Они хорошие такие.

– Мурзик мой, – протянул свою большую красную руку Дима и погладил Карину по голове, – на кухне как? Кричи громче и никого не бойся. Крайнее, чем ты, тут никого нет, так что с тебя все и спросят, кто бы ни был виноват.

Он выдал Марине с Кариной по пышной булочке, а Валентина Петровна налила по чашке компота.

– Каринка, быстро! – Марина не хотела упасть в глазах клиентов. – Компот потом выпьем, а сейчас надо бежать ребятам тоже чего-нибудь выпить предложить! Что ж мы сразу-то не сообразили!

Они выскочили с кухни, оставив надкушенную и ненадкушенную булочки на раздаточной стойке.

– Молодец девчонка, – одобрительно хмыкнула Валентина Павловна, когда сёстры скрылись, – быстро соображает. Это у них кто, я не запомнила, Марина или Карина?

– Марина, – ответил Дима, и помощник повара Санечка в подтверждение слов командира кивнул.

А Марина уже широко раскрывала меню у столика своих клиентов, обращала их внимание на карту вин, которой помахивала Карина, клиенты попросили принести им кофе и минеральную воду из бара, а затем и коньяку одному из них. А там и заказ подоспел.

... – Девчонки, столик возьмите! – скомандовала Орехова.

За соседний столик метрдотель посадила нового клиента – модного молодого человека. Карина и Марина подошли к нему.

На молодом человеке был серый костюм и шейный платок в мелкий горошек. В руках – пластиковая папочка, перехваченная золотистой резинкой. Время от времени он клал эту папку на стол, затем снова хватал, открывал, захлопывал, не успевая ничего прочесть там, – и всё повторялось сначала. К тому же молодой человек поглядывал на часы, в окно, на входную дверь, хватал телефон, шлёпал его на стол, ёрзал и в промежутке между своими действиями отодвинул папку с меню подальше от себя, а подошедшим к нему сёстрам-официанткам заявил, что заказ делать подождёт.

– Как это он «подождёт»? Что, совсем ничего не заказывает и не собирается? – переспросила Света Карину. – Он в ресторан, а не в парк культуры и отдыха на лавке посидеть пришёл. А вы тогда здесь зачем? Вы на работе. Поэтому надо настоять.

– То есть...

– То есть пойти и убедить, что он очень хочет чего-нибудь съесть и выпить.

Карина и Марина снова подступили к молодому человеку, который изводился в ожиданиях.

– Что будете заказывать? – спросила у него Карина.

– Сейчас... Пока ничего, я же сказал.

– Ой, я не расслышала, так что вы будете? – наклонилась к нему Марина.

– Кофе буду. – Видимо, клиент взял себя в руки. – Буду. Девушка, сколько времени сейчас?

Марина вытащила часы из кармана.

– Сейчас 17.10.

– Спасибо, – вздохнул молодой человек и уложил свою папку на меню – папка и меню оказались практически одного размера. Уложил и затих.

Но Марина оглянулась на промелькнувшую Свету и вступила в борьбу:

– А к...

– Без сахара, – перебил Марину молодой человек. – Без сливок. Без всего.

– А что вам принести к кофе? – проникновенно, но настойчиво спросила Карина.

– Спасибо, больше – ничего... – Молодой человек явно хотел уйти в себя и понервничать там один, но не учёл того, что Марине и Карине надо было самим себе доказать, что они на что-то способны. И что отступить они уже не могли.

«Тоже мне – Шарапов в «Астории», – подумала Карина, чуть улыбнулась этому сравнению – и ей сразу стало как-то спокойнее и веселее, Карина поверила, что всё у неё получится.

Марина же в этом практически не сомневалась. Она подмигнула сестре, аккуратно сняла с меню пластиковую папочку и раскрыла его на нужной странице.

– Вот наше меню... Может быть, вам к кофе венского печенья принести? Или вологодские пряники в глазури? Эти пряники – гордость нашего кондитерского цеха. – Марина слышала, как эта фраза, произнесённая, правда, Володей Шевеляевым, разила и не таких неприступных клиентов. – А если хотите что-нибудь полегче, рекомендую...

Но в этот момент нервный молодой человек подпрыгнул, дёрнулся и совершил глубокий выдох – к столику спокойным шагом направлялась невысокая девушка и так же спокойно улыбалась, глядя на молодого человека.

На минутку сёстры отошли от их столика, а потом снова приблизились, чтобы продолжать наступление.

В момент молодой человек был избавлен от папочки. От этого напряжение его не пропало, даже наоборот. Он заказал для девушки большое мороженое, взбитые сливки с земляничным сиропом и кофе. Сам долго вздыхал и говорил, что ничего не хочет, девушка просила его съесть хоть что-нибудь, Марина настойчиво предлагала полистать меню, а Карина лепетала названия всех сладких блюд и закусок, какие там были. И посетитель сдался – он разрешил принести себе блины с начинкой из цыпленка, тушёного в мёде и пиве.

– Сделал заказ? – увидев сестёр на кухне, спросила Света, помахивая пустым подносом.

– С боями, – улыбнулась Карина.

– Вот ведь какой, – недовольно проговорила Марина. – Что за мужики. Попался бы мне в руки, я б его в момент отдрессировала.

– Ну вот теперь следите за ним внимательно. – Хитро прищурилась Света и шепнула что-то Марине на ухо.

– Классно! – обрадовалась Марина.

А Карина ничего не расслышала.

– Что, они могут не заплатить? – испугалась она, сразу уставившись на своих клиентов. И продолжала тщательно подглядывать, когда весь их заказ стоял на столике.

Ничего особенного эти двое не делали, молодой человек говорил, девушка ела мороженое и слушала, изредка заглядывая в папочку.

– Ест? – спросила Марина, выглядывая в зал из кухни.

– Кто ест? – не поняла Карина.

– Ты что – видишь, пацан и правда блины не ест! – радостно зашептала Марина.

– Не нравятся, что ли... – предположила Карина.

– Не хочет он! – зашептала Марина уже громко. – Это ж было видно, что он есть не собирается. Вот это да! Главное – заставить что-нибудь заказать... Ну Светка хитрая! Видишь, кажется, собираются. Сейчас уйдут. Так что смотри внимательнее.

– И что? – Карина не понимала, к чему сестра клонит, но не сомневалась, что это спецприём, нужный и важный.

– «Что?» – оказалась у них за спиной Света. – Я этого цыплёнка в блинах ещё ни разу не ела. Вкусный, наверное, раз дорогой такой. Так что сейчас они быстренько свернутся, неси тарелку к нам – и там мы её с вами раз-раз...

– Ты что, Свет, я не буду есть! – Карина решительно замотала головой. – Что я, Том Кенти со двора объедков?

– Больная, – Марина зашипела, – ну, не хочешь, а я съем. Подумаешь – важность. Ты ж видела – малый к этим блинам и не притронулся даже! Ну, видела?

– Видела... – вздохнула Карина. – Даже не понюхал. А зачем же тогда заказал?

– Перед девушкой было неудобно. Да и мы пристали. Это нормально, – пожала плечами Света и скользнула к одному из своих столиков убирать грязную посуду.

Молодой человек расплатился и ушёл вместе с девушкой. Карина приблизилась к блинам. Хоть бы куснул где, хоть бы вилкой ковырнул – тогда бы точно можно эти блины не брать и сказать Светке, что их ели. Так ведь блины целы, совершенно целы, ну что ты будешь делать! И вечно Марина что-нибудь придумает...

Карина, поставив несчастную тарелку с блинами к себе на поднос, вздохнула и двинулась к кухне. Марина подобрала оставшуюся грязную посуду и направилась за ней. Следом, как будто по очень важному делу, засемила Света. Быстро накрыла блины салфеткой, оглянулась и бросилась в подсобку.

– Эх, жалко! Остыли! Ну ладно, давайте холодные заточим! – Она схватила рукой большой блин, в который было завернуто много бугристой начинки, макнула его в соус, откусила сразу большой кусок и заговорила с набитым ртом: – А, хорош-то! Ешьте, давайте, ну что ты, Карина...

– Да ну, подъедать за кем-то... Марин, давай не будем. – Карине было и неловко, и страшно: вдруг администратор увидит. – Это ведь нехорошо как-то.

– Дура, что ли, – Марина схватила блин, – ну если люди не хотят. Что, Варька наша зря старалась, такие блины засобачивала? Что – зря? Чтоб выкинули, даже не попробовав?

– Нет, конечно... – пробормотала Карина.

– Тогда ешь давай, да надо нам бежать. – Света протянула блин Карине.

– Ешь, Карина, не выделяйся, – толкнула её в бок Марина. – Осторожно, не капай.

Блин был нежный, лёгкий, он как будто дышал своей хорошо пропечённой кожей. Мясо сочилось медовой мягкостью, орехи и чернослив тоже, казалось, пропитались и мёдом, и мясом. Карина поняла, что надо немедленно съесть такой прелести ещё, потому что загребушие Светкины ручонки тянулись уже к последнему блину.

– Вот это нам привалило счастье, Каринка, вот это да! – Света уже умчалась, а Марина всё ещё тщательно облизывала тарелку с остатками сладко-кислого соуса и обсасывала свои пальцы. – Всё, бежим, а то там клиентов небось полна коробочка набралась, и Альбина опять шарит.

Блины они съели, и никто не заметил. Карина даже успела губы подкрасить.

– Марин, давай больше так не будем делать, – остановив сестру в коридоре, сказала она, – мне кажется, это как-то позорно.

– Что позорно? – Марина была весела, вкусные блины прибавили ей настроения.

– Да подъедать, – ответила Карина, глядя Марине в глаза. Она знала, что сестра этого взгляда не выдерживает.

– Да ну тебя, – Марина уже не хотела об этом ни говорить, ни думать, – если хочешь знать, сейчас мы и не подъедаем даже.

– А что?

– Мы пробуем то, что сами производим, – на миг задумавшись, ответила Марина. – Что, не имеем права? Это не то что не позорно, это исполнение наших нормальных человеческих желаний. Хорошая еда, мне кажется, не должна пропадать. А когда мы с тобой разбогатеем, Каринка, мы с тобой будем есть и цыплёнка, и гусёнка, и страуса. Потому что мы вместе знаешь какая сила? Ну, веришь, что будем есть страусёнка?

Марина обладала способностью убеждать в чем угодно. Устные экзамены в школе она всегда за двоих сдавала – выучит чего-нибудь чуть-чуть и сначала сходит изобразит, как будто это Карина отвечает, а через некоторое время зайдёт как будто уже сама. И всё на разные голоса, с разными ужимками. Учителям и в голову не приходило, что это один и тот же человек ходит. Они думали: вот, близнецы у нас учатся, а такие разные, мы их никогда не перепутаем...

Карина писала за двоих сочинения, контрольные и другие письменные задания. И была уверена, что это очень хорошо – такое домашнее распределение труда: Марина фронт, она тыл. И не потому, что Марина её убедила, что так удобнее. А так правда лучше получалось.

– А мы разбогатеем? – спросила, помолчав, Карина.

– Даже не сомневайся, – выходя в зал и подпихивая Карину, ответила Марина.

Дружелюбно улыбаясь, они подошли к одному из своих столиков и удачно рассчитали клиентов. Ещё было время пойти подогреть и доесть причитающийся им обед, про который Марина с Кариной просто забыли.

Но за столиком, где сидел одинокий клиент, начался шум и возня. Клиент разбросал вилки, салфетки и перечницы, опрокинул на скатерть недопитую рюмку водки, весело подмигнул всем, кто успел обратить на него внимание, и закричал:

– Эй, девочки, посчитайте меня!

Карина и Марина бросились к нему со счётом, изрядно подвыпивший клиент махнул бумажкой в сто долларов и широким жестом протянул её Карине.

– Спасибо, дорогие, всё, спасибо. – Уже перед собой коротко взмахнул он купюрой, привстал, собираясь уходить, но затем снова сел и начал заниматься с перевернутыми солонками и перечницами, содержимое которых ещё гуще посыпалось на стол, облаком зависло в воздухе – бедный дяденька даже расчихался.

А сдачи ему нужно было вернуть под полторы тысячи рублей. Карина повернулась, чтобы нести сто его долларов в кассу, Марина последовала за ней. Там долго меняли деньги, затем кассирша выбила чек, Карина вместе со сдачей вложила его в папку и собралась нести буяну, который всё сидел за столом и уходить не намеревался.

– Стоп! Куда идёшь? – схватила Карину за руку Марина.

– Как, куда? – удивилась Карина. – Видишь, он сидит. Сдачу давай отнесем, тут много.

Марина топнула ногой.

– Нет, ты что, совсем? Это он просто так сидит, ты что, не понимаешь?

– Он сдачу ждёт. Смотри, сколько денег. Мы должны отдать. – Карина ринулась в зал.

– Я тебе покажу – «отдать». Ты что, не понимаешь, что тут такие деньги плывут? – Марина подумала, что сестра совсем ни во что не вникла за те дни, что они провели в ресторане.

– Марин, ну ты что?

– Карина, что ж ты такая дура-то?! Ты сюда пришла деньги зарабатывать?

– Зарабатывать. Но... – Карина прижала к себе папку со сдачей. – Я не могу зажать его деньги, это же не чаевые, это очень много.

– Мало ли сколько. – Марина посмотрела на Карину, как на дурочку. – Он дал, значит, деньги наши.

– У него мелких русских денег не было, слышишь, что я говорю? Я же всё понимаю, и про чаевые, и вообще. Но тут...

– Он слово «спасибо» сказал нам после того, как прочитал счёт и деньги туда положил?

– Сказал. Даже два раза. – Карина это очень хорошо помнила. Но ещё помнила, что клиент в счёт вообще не заглядывал.

– А это слово «спасибо» в ресторанной практике обозначает «сдачи не надо», то есть «остальное ваше». Понятно?

– Что, правда? – Карина не могла в это поверить. Однако в уме всплыл ещё один позитивный довод разума, осторожный и осмотрительный. – А может, дяденька об этом правиле не знает?

– Ты меня убиваешь. Я это в первый день ещё поняла. А я-то думаю, что ж ты тормозишь... И мужик про это знает, потому что он – постоянный клиент, он часто приходит, так что всё знает, не то что ты... Орехова же сказала про это, когда его нам за столик сажала.

Марина видела, как глаза сестры наполняются слезами нерешительности и отчаяния, которые потом долго стоят и не проливаются. Марина не могла смотреть, когда сестра плачет.

– Ну ладно тебе, зато как нам везёт. – Марина взяла Карину за руку. – Давай сюда деньги. Половину берём себе, а половину, нет, поменьше, вот столько, вобщак кладём. Хороши будут. Ты хотя бы кассиру ничего не сказала?

– Не успела, – чуть улыбнулась Карина, пытаясь оправдаться.

Ей хотелось, чтобы Марина видела, как она поддерживает её и старается.

– Ну всё, всё, давай, пошли тогда к столикам... – подтолкнула её Марина.

Но Карина ничего не могла с собой поделать: её охватывали нехорошие предчувствия.

– Что, ну что? – обернулась к ней Марина. – Всё нормально.

– Ну, слушай, это всегда так будет? – пробормотала Карина. Ей было стыдно.

– Всегда, конечно! – Марина очень хотела всё сестре объяснить, но надо было торопиться. – А ты что, хочешь, чтоб мы с тобой сорок рублей сегодня домой унесли?

Марина пару секунд подумала, набрала в лёгкие воздуха и хотела ещё что-то добавить, но из-за кассы появилась Альбина.

– Что, девочки, вы тут мухлюете? – сощурила она свои маленькие, густо накрашенные глаза, посылая при этом ласковую улыбку в зал.

Карина почувствовала, что колени её задрожали и по всему телу пронеслась ледяная волна.

Марина дурашливо улыбнулась Альбине и, взмахнув подносом, отправилась сервировать столик. Однако Карина знала, что она внимательно следит за тем, что происходит, их специальным взглядом – скосив глаза и отвернувшись в другую сторону. И готова прийти на помощь.

– Смотри, Карина, не нужно делать того, чего не надо, – заявила Альбина.

– Да что вы, – пролепетала Карина, чувствуя, что вот-вот провалится сейчас под землю от стыда.

– У нас это не принято, – продолжала добивать её Альбина, но что именно не принято, не уточнила. Видимо, сама была не полностью уверена в том, что произошло, и произошло ли вообще.

– Я понимаю, – выдавила из себя Карина и уже собиралась идти прочь от администратора.

Но в это время давший сто долларов клиент, сильно покачиваясь, снялся со своего места и двинулся в направлении кассы, явно кого-то разыскивая.

Карина замерла. Сделала стойку и Альбина, выпрямив спину и поправив улыбку.

«Всё», – подумала Карина и краем глаза увидела, как резко дёрнулась, оглядываясь на этого дядьку, Марина, сервирующая столик в другом конце зала.

Карина с готовностью сделала шаг к кассе, собираясь вернуть клиенту всю сдачу по первому же требованию, но вспомнила, что деньги уже у Марины – припрятаны в потайном кармане, а часть – в папочке на столе метрдотеля, в которую все официанты складывали чаевые, чтобы вечером поделить их между собой.

Звать Марину из другого конца зала было бесполезно, а сама она на подмогу не спешила. Мужик приближался.

– Это твой клиент? – спросила Альбина.

– Мой.

– Значит, он тебя ищет. Ты что-то не так сделала?

Карина чувствовала, что близка к обмороку.

– Кажется, всё так, он не жаловался.

– Ну, сейчас выясним.

Однако клиент, широко размахивая руками, прокатился и мимо Марины, и мимо Альбины. Волна холодного страха сменилась ватной немощью – Карина поняла, что, кажется, пронесло. Тем более Марина появилась рядом.

Клиент нетвердой, но деловой походкой промаршировал к бару, в котором не было бармена, оглядел всю стойку, сморщился, похлопал ладонью по большой пепельнице, повернулся и вновь направился в сторону кассы.

– Где директор? – спросил он, остановив взгляд на Марине.

Администратор и стоявшая рядом с ней Карина позеленели.

– А зачем вам директор? – полным дружелюбия голосом спросила у него Марина.

– Надо, – ответил клиент.

Марина подошла вплотную к Карине и, убрав руки за спину, постаралась незаметно передать ей деньги.

– Если у вас какие-то проблемы, может быть, я помогу вам их решить? – пролепетала Альбина, заглядывая в раскрасневшееся лицо посетителя.

Тот осмотрел Альбину с ног до головы и с сомнением проговорил:

– Это вряд ли. Так где директор?

Марина подобралась к нему поближе, опять улыбнулась самой проникновенной своей улыбкой и сказала:

– Сейчас, вы подождите одну минутку, хорошо? Я сбегаю и его позову.

– Давай, мой золотой, беги, – утвердительно махнул головой посетитель.

Администратор тоже засуетилась:

– Вы подождите здесь, директор был, он где-то тут, в ресторане...

– Да, директора немедленно!

Когда Альбина скрылась на кухне, Карина вложила все деньги, что дала ей сестра, в кожаную папку (даже не успела посчитать, сколько, но была уверена, что Марина уж не ошибётся) и протянула её неугомонному посетителю.

– Вот, возьмите, пожалуйста, это ваша сдача.

Посетитель мутно посмотрел на Карину, во взгляде его было даже некоторое удивление.

– Какая сдача? Я не понял, где директор.

– Может, не надо директора, здесь всё правильно со сдачей, посчитайте, пожалуйста! – горячо, но негромко залепетала Карина.

– Да не нужна мне никакая сдача, вот ещё, считать я буду! – отмахнулся от Карины клиент и пошёл, словно колесом покатился, к входным дверям, у которых стояли люди. Там, видимо, он хотел найти директора.

– Где директор? – крикнул беспокойный клиент и начал заваливаться на большое зеркало.

Охранники подхватили его, зеркало таким образом не пострадало, бедняга внимательно посмотрел на своё отражение, погрозил сам себе пальцем и повернулся к залу.

Выскочила Альбина, за ней следом кассирша Алевтина, обе встревоженные.

Клиент направился к ним.

– Я не понял... – Видимо, это была его любимая фраза.

Люди за крайним столиком подняли головы и посмотрели на него, обсыпанного перцем, солью, крошками еды, раскрасневшегося и смешного.

– Да-да, директор сейчас будет. – Альбина была бледна, как покойник.

– Найдите немедленно! – Клиенту явно было приятно куражиться.

Карина отошла в уголок и уже не вмешивалась. К ней подошёл охранник Рома.

– Ничего, Каринка, не горюй. Дядька покобенится и уйдёт. Это очень хороший мужик, безобидный. Он друг нашего директора. Альбина этого, кажется, не знает. Что-то он давно у нас не появлялся.

– Не знает, что он друг директора? – переспросила Марина, которая тоже подошла и встала рядом.

– Ага. Ну пусть Альбинка посуетится, ей полезно, – улыбнулся Рома и отошёл к двери.

Марина быстро приняла решение, махнула сестре рукой: «Стой здесь!» и присоединилась к группе, возглавляемой Альбиной.

И вот Альбина, Марина, кассир Алевтина и официантка Наташа бежали вслед за клиентом, который успел прокатиться мимо всех столиков, мимо сцены и заглянуть во все туалеты.

– Да что же это такое! – возмутился он. – Сколько прихожу, и всё никак! Где ваш директор? Где Лёха?

– Зачем же вам именно директор? Может быть, я могу всё-таки помочь? – Взмолилась Альбина.

– Нет! – рявкнул посетитель ей в лицо. – Ты не подходишь!

Альбина направилась к охранникам, за ней ринулись официантки.

– Гнать его отсюда надо. Что же это такое? Достал совсем... – бормотала она.

Но клиент был упрям, он громко крикнул ей вслед:

– Да найди же Лёху! Я хочу с ним выпить!

– Вы знаете, у нас не принято пить с...

Альбина на миг остолбенела.

В это время подоспели Костя с Володей и сообщили, что директора нет в ресторане, он уехал.

Посетитель загрустил, но уходить ещё не собирался.

– Вот. Тогда я с барменом выпью. Эй, слышишь меня? Давай выпьем!

– Пожалуйста. Что будете пить? – Павлик, который вернулся за стойку, испытующе посмотрел на Альбину. Та лишь мелко закивала, пытаясь при этом сохранить обворожительную улыбку.

– Только ты со мной выпей, парень. Понял? – Клиент навалился на стойку.

– Конечно. Так что вам налить?

Клиент оглядел бутылки, ткнул пальцем во все сразу и сказал:

– Текилу буду. Вот эту, золотую. Давай, наливай. И себе.

– Тоже эту? – схватился за бутылку Павлик.

– Ага. А хочешь, себе вот эту давай, серебряную, для разнообразия. – и ткнул пальцем в серебристо-голубоватую бутылку текилы «Porfidio – PLATA».

Альбина стояла и наблюдала. Уронив лимон на пол, сразу повеселевший клиент широким взмахом руки чокнулся с Павликом и одним махом выпил пятьдесят граммов текилы «Porfidio – ANEJO» – дороже в баре не было. Павлик тоже выпил и, заметно морщась, стал жевать лимончик.

– Теперь давай поменяемся: ты будешь пить золотую, а я серебряную, – заявил клиент, и все поняли, что шоу затягивается. – Ну? Слышишь меня? Наливай. Ать-два.

Павлик испуганно посмотрел на администратора, но Альбина кивнула: «Надо. Пей».

– Может быть, не стоит смешивать? – как-то жалко, но вместе с тем требовательно попросил Павлик, и руки его дрогнули.

– А что? Тебе пить не разрешают? – обернулся клиент в сторону Альбины. – Я угощаю вашего бармена. Обожаю пить с барменами.

– Нет-нет, пожалуйста, я не против... – затрясла головой Альбина.

– Давай, парень, лей мне серебряной. – Клиент ухватился за бутылку «PLATA», которую Павлик держал в руках, и начал тянуть её к себе, раскачивая.

Но Павлик почему-то упёрся, выдернул бутылку из нетвёрдых рук посетителя и поставил её так, что никто, кроме него самого, не мог до неё дотянуться.

– Павел, – сурово произнесла Альбина и сдвинула брови.

Все знали, что Павлик работает до первого предупреждения (этот приговор вынесла ему Альбина лично), а потому насторожились. Наташа Орехова могла выручить, но она, как на грех, неслась на кухню с заказом, потому что официанты разбежались.

– Наливай, парень, за меня не бойся! – Посетитель уже перевешивался через стойку брататься с Павликом.

– Бармен не рекомендует. Текилу не надо мешать. – Павлик, отличавшийся лояльностью, почему-то был сейчас неумолим, и это в самый неподходящий для себя момент.

«Да какая тебе разница – лей!» – делал ему знаки за спиной у назойливого посетителя охранник Рома.

– Давайте вы ещё пятьдесят граммов золотой текилы, а я ещё столько же серебряной, о'кей? – твёрдо произнёс Павлик и немедленно налил посетителю из золотистой бутылки «Porfidio-ANEJO».

– Ну давай и ты со мной, только обязательно ещё раз выпей. Золотой. Текилы. Да... – не стал отказываться тот (ему, в принципе, было всё равно). – За компанию. Ты отличный парень.

Павлик живо согласился, они выпили, несколько минут неугомонный посетитель покуролесил у стойки, затем сделал круг почёта по всем местам в ресторане, которые он посетил за сегодняшний день, и, похлопав по плечам охранника и швейцара дядю Мишу, выкатился на улицу.

С невероятным облегчением Альбина покинула зал, а Марина утащила замученную и перепуганную сестрёнку на кухню.

– Что, хорош сегодня денёк? – спросила она, выбирая маслины с блюда на мойке.

Карина молча передала ей деньги.

– Сохранила. Молодец. Ну, давай сюда. – Марина убрала купюры в свой заветный карман. – Карин, чего так смотришь? Ты не думай, что я бесчувственный монстр, я тоже очень переживала. Веришь?

– Да...

– Я... – но договорить Марина не успела, хотя ей нужно было много сказать сестре.

В кухню вбежал Павлик, открыл кран и сунул под него голову.

– Ты чего, Павлик? – поднялся со своего стула повар Дима, до этого сидевший с газетой. Но Павлик только махнул рукой.

– Пойдём покурим, – только и смог сказать Павлик и исчез в подсобке.

Марина и Карина бросились за ним. Через минуту там появился и Дима.

– Ты чего пить побоялся? Совсем, что ли? – прикурив, спросила у него Марина. С Павлом у неё с первого же дня установились самые душевные отношения. Павлик был к тому же просто замечательным парнем. – Надо было пить по полной программе. Он же платил.

Павлик оглянулся на дверь и поплотнее прикрыл её.

– Какая сволочь это сделала? Зачем? – Он чуть не плакал.

– Паш, да ты что? Что такое? – Заглянул ему в лицо большой и добрый Дима.

– Кому надо было меня так подставлять? – От сигареты Павлика за три затяжки остался один фильтр.

– Что? Подумаешь, с клиентом выпил.

– Выпил?! Знаешь, что я пил? – Павлик подавился дымом, Диме пришлось постучать его по спине. – Воду, а не текилу!

– Почему? – удивилась Карина.

– В бутылке с серебряной текилой простая вода была! Понимаете? – закричал Павлик.

– Ты что, боялся, с пятидесяти граммов напьёшься, что ли? – широко раскрыла глаза Марина. – И когда ж ты успел воды налить и подменить? Вот это скорость.

– Я боялся? Я налил и подменил?! – Павлик опять закричал. – Бутылка была открытая, эту текилу «Porfidio – PLATA» сегодня никто не брал, она так со вчерашней смены и стояла. Дорогая ведь, зараза. Мы всех поим «Двадцать первым годом» и «Ольмекой»... И какая-то сволочь в такую дорогую бутылку воды налила... А я, понятное дело, даже предположить этого не мог.

Павлик мощно выругался, но ему от этого не стало легче.

– Да ты что... – ахнул в свою очередь Дима.

– Кто-то хотел меня подставить, блин... – Павлик сел на корточки. – Прикиньте, если бы я этой текилы какому-нибудь клиенту налил?! Её ж только самые разборчивые пьют... И что бы тогда?

– Да уж, – сказала Марина.

– А этот ещё привязался – серебряной мне, серебряной! Ещё каким-то чудом ему в первый раз золотой, а не серебряной приспичило...

– Как в воду глядел, – пошутила Карина.

– Вот именно – в воду! А если бы наоборот? Мне золотой, а ему серебряной? А мужик пьяный, поднял бы такой базар...

Всем сразу стало понятно, почему бедный Павлик так упрашивал разбушевавшегося посетителя выпить снова «золотой» текилы, и никак иначе.

– Ну ты и артист, – изумилась Марина, – это ж ты с самого начала воду пил, да? А морщился, как пятиклассник, которому портвейна налили.

– Я правда думала, ты текилу пьешь, – сказала Карина.

– Думала она... Я, ещё когда наливал, заметил. Что такое, смотрю, цвет какой-то белый? И жидкая. Водка, мне показалось. Глоток сделал – вода! От испуга даже сразу проглотить не смог. Ой, как бы я попал...

– А лимон так самозабвенно жевал...

Дима насторожился:

– Слушай, точно просто вода? А не отравка какая?

– Да я почему знаю? По вкусу вроде вода, – пожал плечами Павлик. – Но пил-то я её как текилу.

– Ты это, Павлик, иди сейчас, я тебе вкусно поесть сделаю, – положил ему пышную руку на плечо Дима. – Позову тогда. А вообще это тебя сегодня Бог пронёс.

Павлик вздохнул и ничего не сказал, пригладил волосы и выскочил в бар, наткнувшись в коридоре на Альбину.

– Так, хорошо, выпил, теперь можно и покурить? Расслабиться на работе? – ехидно спросила она. – Иди быстрее, заказов полно. И смотри, не ошибись там.

Карина и Марина, спрятавшись за широкую Димину спину, прошмыгнули через кухню в зал.

– Неужели это Альбина воды налила? – шёпотом спросила Карина.

– Делать ей больше нечего, – уверенно сказала Марина. – Она и так, видишь, его уволить хочет и, когда найдёт повод, уволит. Нет, Альбина не будет так делать. Это кто-то ещё гадит. Кто на его место мылится.

– Но это же подло.

– Не подставишь, не проживёшь, – заметила Марина, – а нам с тобой бежать надо, целый столик ещё сервировать.

К вечеру ресторан был полон, официанты носились, как заведённые.

У братьев Шевелевых клиенты отказались от коктейля «Морган-Блю» (не заказывали они, видите ли, и хоть ты тресни, уносите обратно, мы за него платить не будем!), Марина успешно всучила этот коктейль своим клиентам – в нем даже лёд растаять не успел.

– Девчонки, спасибо, а то мы бы на этот коктейль влетели! – поймали Костя и Володя быстро спящих от раздачи в зал Карину и Марину. – И как вам удалось? Эту дрянь редко кто заказывает... А его обратно в бутылку не выльешь.

– А что, можно? Можно вылить обратно в бутылку то, что не стали пить? – удивилась Карина.

– Можно. С определенным риском, конечно. Но можно. А куда деваться?

А Володя добавил:

– Мы теперь ваши должники.

– Перестаньте, – Марина перевела дух, – не нахваливайте нас, а то сглазите...

В тёмно-синем небе ярко горели звёзды, словно вырезанные острыми ножницами из новенькой фольги. Мороз щипал нос и щёки, пробирался под пальто. У Марины и Карины не было сил переодеться из форменной одежды в свою собственную. Главное, доехать до дома, а там уже всё будет – так решили сёстры, когда в третьем часу ночи им удалось наконец выйти из ресторана на опустевшую улицу и остановиться у обочины. Нужно было поймать машину. Володя, Костя и Орехова только что умчались на одной – они жили поблизости друг от друга. Света и Наташа прыгали поблизости. Их шансы уехать были гораздо хуже – сёстры жили далеко за городом.

– И вы каждый раз так добираетесь? – спросила у них Карина.

– Всегда, – ответила одна из них, но договорить не успела – притормозило такси, которое остановила Марина.

– Забирайтесь, девчонки, – Марина помахала им рукой, – это такси, а не частник, он куда хочешь поедет.

– А вы?

– Мы на следующей, – махнула рукой Карина, – нам не так далеко.

Наташа и Света мигом забрались в машину.

– Ну спасибо, добрые вы наши, – захлопывая дверь, крикнула Наташа, и такси сорвалось с места.

Девушки остались на дороге одни. Вскоре возле них с готовностью притормозила красивая иномарка, но Марина таким суровым голосом сообщила двум красавцам, что они не проститутки, а официантки и хотят домой, что сидящие в тёплом роскошном салоне кавалеры немедленно захлопнули дверь и укатили.

Карина с Мариной смотрели машине вслед и думали, что даже её огни выглядели удивлёнными и обиженными. Марина засмеялась, за ней хихикнула и Карина, прикрывая варежкой рот и замёрзший нос.

– Катитесь колбаской по Малой Спасской! У нас куча денег, мы вас всех сами купим и продадим, продадим и купим! – Марина ещё прыгала и паясничала, но Карина знала, что её хватит ненадолго. – Ну что за народ, денег не хотят!

Время шло. Машины или не останавливались, или отказывались их везти. Марина злилась:

– Нужен свой водитель. Своя тачка. Карина, ты веришь, что у нас будет свой водитель и тачка?

– Ну...

– Своя машина. Свой водитель. Свой деньги. Свой бизнес! – чётко, словно торжественное обещание, бормотала Марина. Карина решила даже, что она совсем перетрудилась и бредит.

Но Марина махнула головой, словно отгоняя наваждение, и решительно вышла на середину дороги.

– Всё, надоело. Сейчас первая же сволочь повезет нас домой, – заявила она.

И действительно, первая же машина, повернувшая на перекрёстке, остановилась перед ней, Марина и Карина без особых разговоров забрались внутрь, назвали адрес и поехали.

– Ноги гудят, ох, как ноги гудят, – Марина сразу размякла на сиденье. Карина поняла, что её сестрице едва ли хватит сил дойти до подъезда, а завтра опять к одиннадцати...

И теперь уже Карина вытаскивала из машины и вела к дому свою боевую, но сейчас совершенно обессиленную Мариночку.

Глава 2. Тропой войны

По утрам в ресторане было все так же холодно, хоть и календарный лимит зимы исчерпывался. Но с первыми числами марта стало регулярно и ярко светить солнце. Снег весь растаял, журчали ручьи, а разбуженные весной чувства заставляли народ бежать в рестораны и там отмечать это. Так что с самого открытия в «Зеркале» посетителей было хоть отбавляй.

Столики заказывали даже за несколько недель вперёд, а на Восьмое марта всё помещение сняла крупная фирма под банкет. Марина и Карина не должны были приходить, в этот день работала не их смена, но начальство поставило новеньких работать в банкетный день, потому что две официантки из той смены – пухлые и весьма нахальные женщины Оля и Тоня, заранее отпросились. И конечно же крайними оказались Карина и Марина.

То, что Восьмое марта было праздничным «женским днем», не помешало сёстрам устать, будто в каменоломнях. Им, правда, обещали заплатить, как за два дня, но на официальной зарплате это не отразилось. Последний раз у них вычли за форменную одежду (за те голубые блузки, в которых Марина и Карина работали). И стоили эти блузки, судя по вычитаемым деньгам, словно сшил их маэстро Карден.

– Вам ещё повезло, – увидев, как расстроились сёстры, сказала Наташа Орехова, – у вас в рассрочку за форму вычитали. А я когда сюда пришла, мне в первую зарплату денег дали только, чтоб один раз на машине до дома доехать. Всё остальное за белую кофтейку вычли, которую я и не ношу давно.

– Почему?

– В своей работаю. А ту я постирала, стала гладить – она под утюгом вся и сжурилась. Так что не плачьте по своей зарплате.

Марина с Кариной и не плакали. Официальная зарплата была такой маленькой, что надеяться можно было только на чаевые. А во время банкета какие ж чаевые! И сёстры не любили банкеты, хотя устраивались они не меньше раза в месяц – многочисленное ресторанное начальство любило пировать. А начальства было много – и те, кто снимали помещение под ресторан, и те, кто это помещение им сдает, и непосредственные владельцы ресторана, поставщики продуктов и вина, а иногда и представители санэпидстанции, районной управы и различных инспекций.

...Иногда так получалось, что кто-нибудь уходил после смены пораньше. Сегодня одни, завтра другие. В этот раз Карина с Мариной выскочили первыми и бегом бежали к метро, потому что по времени у них был шанс успеть – до часа ночи было двадцать минут.

Однако дорогу сёстрам перегородила машина. Открылась дверь, и оттуда появилась улыбающееся лицо. Рука, что вслед за лицом высунулась из двери, поманила к себе, но девчонки остались стоять на месте.

– Идите сюда, девочки! Ну-ка!

– Мы домой, разрешите. – Со стороны Марины светил фонарь, и она, в отличие от Карины, могла разглядеть сидящего в машине. Марина даже узнала его.

– Так садитесь к нам, мы вас подвезём до дома. Только попозже. – Человек вылез из машины весь и теперь стоял, облокотившись о дверцу.

Марина, взяв сестру за руку, отступила в тень.

– Покатайтесь с нами, давайте, девочки, не тяните время, – настойчиво доносилось из машины. Там сидел второй. А может, и третий, и четвертый – за тонированными стёклами внутренность машины не было видно.

– Нам без женщин скучно, – заявил тот, что сидел за рулем и теперь вылез на улицу. Он даже руку к Марине протянул.

– Мы не хотим никуда. Мы устали, потому что с работы. – Карина вышла вперед и заслонила собой сестру.

– Ну, ещё поработаете, – засмеялись в машине.

Карина заставила сестру отойти ещё на шаг назад.

– Шутим, шутим! – замахал растопыренными пальцами тот, что стоял на улице.

Марина его узнала, а вот Карина, видно, нет. Тем более что он уже схватил её за руку и попытался притянуть к себе.

– Отпустите меня! Я не хочу никуда! – закричала Карина.

Марина вцепилась в неё. Что делать дальше, она просто не знала. Знала только, что будет тянуть к себе сестру до самого последнего момента. Марина даже не кричала: чего кричать зря, кому они нужны на пустой тёмной улице?

Чудеса – это всегда приятно. Быстрая фигура, которую краем глаза Марина заметила на повороте, вдруг оказалась возле машины.

– Руслан, в чем дело? Эй, слышишь, это я!

Тот, кого называли по имени, отпустил Карину. А в молодом человеке, оказавшемся возле машины, Карина узнала бармена Павлика.

– Руслан, это наши девчонки, – бойко проговорил Павлик, – официантки.

И Павлик попытался встать между сёстрами и машиной. И очень вовремя. На подмогу Руслану выбрался уже и его дружок. Увидев Павлика, он поздоровался с ним за руку.

– Да что ж они нам не сказали, что официантки? – сладко улыбнулся Руслан.

– А мы покататься с ними хотели, – добавил дружок. – Чего не сказали, что официантки?

Эх, вы.

С этими словами он забрался обратно в машину. За ним последовал и Руслан. Машина сорвалась с места и умчалась.

– Павлик... – больше Карина не знала, что сказать. – ...Спасибо.

– Да ладно. Это нам всем повезло. Что нарвались вы не очень капитально. Руслан – друг директора.

– Я знаю, – тихо ответила Марина.

– Он что, вас не разглядел? – удивился Павлик. – Странно.

– А почему отпустил так легко? – спросила Марина.

– Я слышал, они официантками брезгуют. Не обижайтесь, – проговорил Павлик.

– Мы не обижаемся, – пробормотала Карина.

– Это очень даже хорошо.

Павлик обнял Карину с Мариной и слегка встряхнул:

– Вот как, девчонки, по ночам шататься. Ну, не волнуйтесь. Я вас не брошу. Вы к метро?

– Да. Хотели успеть. А теперь и не знаем... – прибавляя ходу, вздохнула Карина.

Они всё-таки успели. Несмотря на уговоры, Павлик поехал с ними, у выхода из метро поймал машину, запихнул туда сестёр и сел сам. У подъезда дома Марины и Карины он простился и, не слушая никакие уговоры и просьбы остаться, убежал в ночь.

– Всё, никаких метро, – заявила Марина, едва сестры оказались дома. – Только на тачке.

– А если на таких нарвемся?

– Нет. Мы будем выбирать машины, где только один водитель сидит, – уверила сестру Марина. – А одного мы с тобой сто процентов загасим.

Она заставила Карину выпить успокоительных таблеток и немедленно лечь спать. А сама долго размышляла, и осенившая её мысль не давала покоя:

«Руслан, значит. Друг директора. Помню, помню я тебя, Руслан. Женщин тебе не хватает? Ну, так ты мне пригодишься. Ленивый ты, видно. Или трусливый. Мы ещё посмотрим, кто тут будет официантками брезговать, а кто им пяточки станет целовать. Это не я сегодня

счастливого отделалась, а ты конкретно попал. Мне в руки. Ты будешь первым пунктом плана. Мне надо. Ну всё, считай, что ты мне понравился».

Этот день, который Карина и Марина запомнили надолго, выдался каким-то особенно суматошным. С самого утра ресторан был полон начальства, и каждый так и норовил дать официантам какой-нибудь полезный совет или указание. Наташа Орехова была на взводе. А это не могло не отразиться и на официантах смены.

– Ой! – воскликнул вдруг приличный господин, усевшийся за столик.

Возникшие перед ним Марина и Карина радушно улыбнулись.

– Что такое? Я же ещё не пил, – схватился за голову клиент. – Да что ж это, у меня в глазах двоится?

Видимо, этот господин был незнаком с системой подбора официантов в «Зеркале».

– Вы двойняшки, что ли?

– Да, – улыбнулись ему сёстры.

– Ой-ёй-ёй... – он ещё раз качнулся на стуле, приглядываясь к Марине и Карине, и смахнул рюмку со стола.

Но Карина успела. У самого пола она подхватила рюмку, не дав ей разбиться, и в этот миг Марина чувствовала, что это не сестра рюмку подхватывает, а она сама.

– Шустрая, умница, а то бы мы влетели на эту рюмку, – прошептала сестре Марина, едва они отошли от столика, оставив клиента изучать меню, – видишь, и Альбина на нас глазом косит.

– Ой, не говори, у меня так руки дрожат...

Но приличный господин долго рассматривать меню не стал. Он поманил официанток к себе и всё не отпускал их. Продолжал удивляться, расспрашивал о том, что ему лучше заказать, что они сами бы себе из меню выбрали и как им живется вообще, таким одинаковым.

Вскоре к господину присоединились два его приятеля, очень серьёзные. Они немного ели, немного пили, негромко говорили – говорили, говорили, всё никак не могли наговориться. И только через полтора часа сидения за столиком они, видимо, всё выяснили – и их заказам не было конца. Марина с Кариной только успевали бегать от кухни к их столику, остальных клиентов пришлось даже на время забросить.

Карина только что убрала со столика освободившуюся посуду, составила её на поднос, оставленный на тумбочке, принесла из бара ещё martini, коньяка и газированной воды, взяла поднос и собралась нести его на кухню. Но дорогу ей перегородил невысокий квадратный парень. Он качнулся, чуть на неё не упал и направился в сторону кухни.

– Извините, там кухня, посторонним туда нельзя... – попыталась остановить его Карина.

– Тихо, – ответил он, выставив перед девушкой ладонь, – мне надо сказать повару, чтоб лук мне в салат не клал. Я лук терпеть не могу. Короче, я скажу.

Он отодвинул Карину с подносом и сделал шаг к кухне.

– Нет, простите, нельзя! Вы обратитесь к официанту, который ваш столик обслуживает, он на кухню сам передаст... – Карина не знала, чей это клиент, и оглянулась в зал. Кроме Альбины, никто на неё не смотрел, да и та взяла и как ни в чём не бывало отвернулась.

– Буду я ждать... – Парень был беспредельно уверен в себе, а потому снова двинулся к кухне, оттолкнув Карину, которая чуть не упала.

Нельзя было ни под каким предлогом пускать клиентов на кухню, Карина хорошо об этом знала.

– Я вообще-то сама сейчас на кухню иду! И повару вашу просьбу передам. Ну пожалуйста! – «Хозяина жизни» оставалось только просить.

И тот смилостивился – махнул Карине рукой и отправился на своё место.

Карина, не выпуская из рук подноса с грязной посудой, бросилась на кухню исполнять его пожелание.

... – Готово! – громко крикнул повар Дима. – Два жарких, фаршированная форель и пожарская котлета! Марин, твои?

– Да! Спасибо, Дима! – метнулась к раздаче Марина, стоявшая у стеночки, быстро поставила всё это на поднос, на котором уже давно ждал салат из крабового мяса, и ринулась в зал.

Не успела она сделать и трёх шагов, как на неё с подносом, полным грязной посуды, из-за угла выскочила Карина. И оба подноса – и Маринин, и Каринин – с грохотом и звоном полетели на пол. В один миг возле кучи теперь уже объедков и битой посуды, над которой склонились Карина и Марина, оказалась вездесущая Альбина.

– Так, ну что ж, Карина, надо смотреть, куда ты несёшься, – глядя на то, как сёстры выбирают из осколков уцелевшие тарелки, фужеры и перепачканные ножи и вилки, заявила Альбина, – ну вот, теперь всё это надо подсчитать. Будешь, Карина, должна... Да, да, я тебя из зала видела, как ты бежала и с клиентами заигрывала.

– Как – она? – поднялась Марина. – Это мы вместе разбили. Мы друг друга не видели. Тут такой дурацкий поворот...

На этом повороте, сделанном, вероятно, для того, чтобы из зала посетителям не был виден вход на кухню, официанты очень часто друг с другом сталкивались и потому всегда проклинали это место. Но объяснять что-либо было сейчас бесполезно.

– Это Карина всё разбила, – без тени сомнения заявила Альбина. – Я видела. Карина вообще невнимательная. Давайте, собирайте, я сейчас принесу журнал и все убытки посчитаю.

– Но...

– Да, Карина виновата, а вам вместе выплачивать. – Альбина была довольна своей смекалкой и находчивостью.

– Спокойно, Карина, только не плачь. – Такого удара судьбы Марина не ожидала и чувствовала, что сейчас сама начнёт реветь в голос и биться от бессилия обо все стены ресторана. – Давай дома будем плакать.

Но по нежному лицу Карины ручьями текли слёзы.

– Знаешь, сколько мы будем должны? – всхлипнула она.

– Знаю. Только фаршированная форель и эти два жарких стоят больше, чем половина моей зарплаты за месяц. А ещё весь этот заказ надо умножить на два, так что считай...

– Почему?

– По кочану. – Марина так сжала кулак и вонзила ногти в ладонь, что когда, наконец, разжала пальцы, на коже выступила кровь. Или это она порезалась, когда в битой посуде ковырялась? Но Марина не могла сейчас обращать внимание на такие мелочи. – Посетителям-то не объяснишь, что мы тут два подноса грохнули, они свой заказ ждут и не будут за него второй раз платить. Мы, значит, заплатим.

– О-ой...

– Иди умойся. Я сейчас. – Марина затолкнула сестру в туалет для посетителей и кинулась на кухню.

– Дима, Димочка, ещё раз то же самое! – крикнула она, чувствуя, что слёзы сами собой брызнули из глаз. – Тётя Валя, и салат «Овернь» тоже по-новой!

На кухне всё слышали, и засуетившуюся Альбину, которой наконец занятие нашлось, тоже видели.

С лица Димы даже румянец пропал. Два подноса – это огромные деньги, все это понимали так хорошо, что даже на утешение ни у кого не нашлось подходящих слов.

А Марины уже не было на кухне.

– Я прошу прощения, – говорила она у столика своих клиентов, ожидающих заказ, – возникла небольшая задержка, ваш заказ будет готов через несколько минут.

Три важных господина недовольно переглянулись. Они как раз сейчас хорошо выпили и ждали закуски для того, чтобы выпить ещё.

В этот момент в зале заиграла музыка – наступило время сегодняшнего концерта.

– Извините, могу я вас пригласить на танец? – обратилась Марина к одному из своих клиентов, чей заказ она уронила на пол, – мужчине солидного возраста и самому, видимо, важному из них, сидевшему вдобавок ближе к краю стола.

И, не дав опомниться никому из мужчин, очень удивившихся её предложению, протянула важному господину руку. Тот, глядя на своих сотрапезников, поднялся из-за стола и вышел с Мариной на середину зала. Там ещё никто не танцевал, но музыка, на Маринино счастье, была медленной.

Марина положила руки на плечи своего партнёра и улыбнулась. Танцевать с посетителями официантам было строго запрещено, и начальство сегодня было все ещё в ресторане, кто-то из них наверняка это заметил. Только скандал недовольных богатых дяденек пугал сейчас Марину гораздо больше. Она видела, как из туалета вышла заплаканная Карина и скрылась на кухне, видела Альбину с журналом учёта в руках, но танцевала, пока мелодия не закончилась.

Она чувствовала, что, несмотря ни на что, её партнёр, столь неожиданно приглашённый на танец, доволен. Он даже подмигивал своим друзьям, которые отвлеклись от того, что стояло и должно было стоять на их столике, и наблюдали за ними.

– Девушка Марина, я в восхищении, – проговорил он, косясь на бирку с Марининым именем, – уже давно я не танцевал. Поэтому надеюсь, вы простите мне мою неловкость...

– Что вы, вы хорошо танцуете, – улыбалась Марина и чувствовала, что её нервная дрожь исчезла. Танец, пусть совсем незамысловатый, принёс ей облегчение и уверенность в своих силах. Она улыбнулась ещё раз любезному партнёру и его друзьям. Теперь они «её», скандала не будет, даже если с запозданием на час она притащит за их столик фаршированный ботинок или поджаренный пороссячий хвостик.

Танец закончился, музыка сменилась на быструю.

– Спасибо, – солидный господин даже поклонился, взяв Маринины руки в свои, – я не мог предположить, что на нашей серьёзной встрече может произойти что-то необыкновенное. Спасибо ещё раз, Марина. Я счастлив, я тронут, правда.

Марина кивнула ему и не спеша удалилась. Господин уселся за свой столик. А когда она подошла к ним с вновь приготовленным заказом, все трое зааплодировали. Часто посещавшие рестораны, они, конечно, знали, что может позволить себе официантка, что нет. И потому были восхищены поступком Марины.

Альбина не посмела упрекнуть Марину ни в чём. Она практически молча открыла перед ней и Мариной свой журнал и ткнула пальцем в цифру, которой завершалась колонка с перечислением испорченного.

Марина сощурилась.

– И как быть?

– У вас вычтут это из зарплаты.

– А так мы ничего не должны? – бодро спросила Марина.

– Нет, можете, конечно, хоть сейчас всю сумму отдать. Или часть. – Альбина хотела показаться великодушной. – А вообще у вас вычтут постепенно.

– Ага.

Альбина умотала. Марина потащила сестру в подсобное помещение, вытащила сигарету и задумалась. Добрячка-администраторша расписала эти деньги по зарплатам сестёр. И вышло так, что два месяца обе они должны были работать бесплатно. Или же платить в рассрочку шесть месяцев, если им так хочется.

– Ну, на шесть месяцев мы, может, тут не задержимся, – сказала Карина, глядя в список.

– Как? – удивилась Марина. – Ну уж фигушки.

– Выплатим деньги и пойдём куда-нибудь ещё работать, может, продавцами, может, секретарями. Мы же ходили в школе на курсы референтов, вот и... – предложила Карина.

– Нет уж. Дудки. – Марина сжала зубами фильтр своей сигареты, даже откусила от него кусочек. – Вот теперь я поймею с этого ресторана всё, что только можно. Я не люблю оказываться крайней. Мы не будем с тобой крайними, Каринка, понимаешь?

– Крайними не будем, а экономить придётся теперь на всём. И домой теперь денег вряд ли получится послать, – вздохнула Карина, согласно кивнув перед этим сестре.

Марина бросила окурочек, сдула пепел с хромированной поверхности урны и усмехнулась:

– Нет уж. Не будем мы экономить, мой голубчик. Из-за кого ты на меня налетела? Из-за этого квадратного урода, которому права покачать захотелось. А он дома у себя пожрать не мог? Не мог, получается, раз в ресторан припёрся. А дальше уже простая логическая цепочка: раз те, кто сюда ходят, дома не едят, значит, могут это себе позволить. Могут позволить – значит, хотят, чтобы их кто-то обслужил, поработал на них. А раз так – то это мы, МЫ их тут обслуживаем! И хорошо обслуживаем. Пусть за это и платят. Понимаешь?

– Ну?

– Так что чаевые с них драть я буду по полной программе. Пока долг этот не выплатим. А тебе уж, извини, деваться некуда – значит, будешь мне помогать.

– Ну... Да, Марин. – И позорные картинки будущей жизни понесли у Карины перед глазами, выдавив при этом традиционную порцию слез.

Да, и она, Карина, была вынуждена быстро бегать, чтобы понравиться, угодить клиентам и вынудить их дать чаевые. Или же, если будут попадаться клиенты робкие и нерешительные (что сразу бросается в глаза), задерживаться с их сдачей на пути от кассы, всегда помнить и при первой же возможности предлагать блюдо или напиток, которое или у тебя, или у кого-то ещё заказали «впустую», да и ещё множество всего, что нужно было ей, как любой официантке, желающей заработать хоть что-то.

Карина теперь уже была уверена в том, что их работа в ресторане – это не профессия и с этим надо заканчивать как можно скорее, что у неё ничего не получается, что это всё стыдно, что за это обязательно должно последовать наказание – в любой форме. А значит, то, что она и Марина сейчас делают – плохо, плохо, плохо!

Когда, наконец, удалось вернуться со смены домой, Марина, ни на минуту не выпуская из головы цифру, которой измерялся их долг ресторану «Зеркало», без мыслей и эмоций плюхнулась на стул в кухне, посадила перед собой кроткую Карину, налила гранёный стакан водки «Русский стандарт»: «Пей, Каринка, выпьем сейчас, на фиг, все забудем, а проснёмся борзые, как кони князя Игоря, и всех сделаем, как щенков...». Залпом, что длился почти минуту, выпила водку, запила её лимонадом, поцеловала куда-то в ухо сестру и, совершенно бесчувственная, грохнулась на кровать, едва успев дойти до неё неверными шагами.

Карина долго, без мыслей смотрела на спящую сестру, затем поднялась, принесла из ванной тазик и поставила его возле Мариной кровати. Но Марина, казалось, ничего даже не ощущала, словно среди людей её сейчас просто не было – на её лице не изображалось ничего. Карина наклонилась ухом к самому Маринину носу – нет, всё нормально, сестра дышала, негромко, но ровно.

Карина оглянулась на почти пустую бутылку водки, оставленную Мариной на столе. Как бы, казалось, хорошо – выпить залпом, сколько сможешь, и не думать ни о чём, не переживать, не суетиться. Карина вылила себе в стакан всё, что осталось в бутылке. Даже половины стакана не получилось.

«Б-р-р, какая же противная!» – Карина передёрнула плечами. Но она помнила совет Павлика, что водку надо не нюхать, а пить.

«Пусть и мне будет хорошо и спокойно!» – решительно подумала она. Затем опрокинула себе в рот содержимое стакана и съела маслину из пакетика, лежащего на столе (это она сама же и нагребла сегодня маслин с тарелки на мойке, чтобы было что дома вечером поест).

Однако сон не шёл. Вместо того чтобы, как Марина, забыться и тихо лежать в объятиях Морфея, Карина начала мучиться. Её замутило, поплыли перед глазами шкафы, стол, окно, рисунок ковра начал извиваться и приобретать объёмные формы, в голове стало тупо и противно, потекли слёзы. Карина вновь вспомнила всё обидное, случившееся за сегодняшний день, пошатываясь, подошла к окну и посмотрела в тёмную даль ночной Москвы.

Должны. Теперь они с Мариной долго и нудно будут должны. Они будут зависеть от этого долга, будут отрабатывать, и этот долг станет висеть камнем, не давать покоя, разгонять радость и давить мечты.

Карина не могла чувствовать себя перед кем-нибудь в долгу, даже перед родной сестрой. Если в детстве у неё ломался вдруг карандаш и Карине приходилось брать Маринин, она спешила скорее его отдать. Такие мелочи лихую Марину никогда не интересовали, и она практически никогда не замечала, что Карина так волнуется из-за того, что ей пришлось попросить.

Приехав в Москву, они устроились жить на квартиру к своей тётке – маминой двоюродной сестре. И если Марину мало занимал вопрос, нужно ли платить тёте Веронике за проживание в квартире из трёх комнат, где, кроме самой тётки и её собачки, больше никто не жил, Карина немедленно обговорила с родственницей этот вопрос и хоть на минимальной сумме оплаты, но настояла. «Чтобы мы не чувствовали, что что-то должны ей, глупая!» – так объяснила она сестре необходимость платить за квартиру милейшей старушке.

«Правильно! – Марина поняла это для себя так, как обычно понимала. – Чтоб никто нам не мог сказать, что мы из милости тут живём. Так нас никто ничем попрекать не будет. Молодец, Каринка! Как-то я сразу об этом не подумала. Голова ты у меня, ух, голова! Только трусливая, цены себе не знаешь».

И вот теперь снова долг. Долг такой, что, как подумаешь, зубы ломит. Что делать? Как выбраться? Как можно жить, не получая зарплату, как сделать так, чтобы чаевых стало вдруг больше, чтобы денег на всё хватало, чтобы не уставать, чтобы не унижаться?

Карина чувствовала, что расслабиться она не может совсем, что, наоборот, её всю сжимает, комок подступает к горлу – или это горькие мысли материализовались и рвут её изнутри? Карина схватила сразу несколько маслин, затолкала их в рот, принялась жевать, силясь проглотить как можно скорее, чтобы хоть как-то протолкнуть комок внутрь, обмануть его. Но тут внутри неё родился спазм, видимо, никак не хотел ещё детский Каринин организм принимать в себя водку. У Карины потемнело в глазах – и она едва успела броситься на колени перед тазиком, который сама же принесла для сестры.

И когда Карина наконец улеглась в постель, когда бил её озноб и нездорово скрипело что-то на зубах, тогда первый раз за всё это время Марина подала признаки жизни – глубоко вздохнув, перевернулась на другой бок.

Приближалось утро. С одиннадцати часов начиналась смена. Но Карина старалась ни о чём подобном сейчас не думать. Видимо, вместе с водкой выплеснулись из Карины в тазик все её страхи и горькие мысли сегодняшнего дня.

И скоро она заснула, чтобы в половине девятого утра проснуться и начать собираться на работу.

Глава 3. Подпольный бизнес

– Нет, ты поняла, Каринка, что с нами Бог? Поняла? Так что с повестки дня снимается вопрос: «Есть ли Бог на свете», – как можно незаметнее оттеснив сестру в угол, горячо шептала Марина. – Мы это и так знаем. Он нам прямо во как помогает, ведь правда? Видишь, какую удачу он нам вдруг послал!

– Удача – чужая беда. Что ты несёшь? Так нельзя говорить, даже про плохого человека. – Карина, как всегда, упрячилась, не желая соглашаться с Мариной, потому что сразу почувствовала, что сестра задумала новую авантюру.

Случился этот разговор в «Зеркале», когда с утра выяснилось, что Альбина ушла на больничный. Поздним вечером, возвращаясь с работы, она поскользнулась на покрытой льдом единственной ступеньке своего подъезда и сломала руку.

Конечно, сломала Альбина не шею и не ногу, а потому передвигалась и могла соображать совершенно так же, как и раньше, однако интерьер любого ресторана испортила бы фигура администратора с «бриллиантовой рукой», и потому появляться на работе Альбине было противопоказано.

Административными делами на время её болезни должен был заведовать управляющий Андрей Константинович, а это означало наступление временной свободы. Своих дел у Андрея Константиновича и без того хватало, так что появлялся он в зале ресторана не часто, официантов особенно не трогал, да и барменам уделять особое внимание, как Альбина, ему было некогда.

– Ну, видишь, как всё хорошо! – Марина сияла решительной радостью. – И Альбине хорошо, и нам хорошо. Пусть она на своём больничном тихонько дома сидит, отдыхает, развлекается и набирается сил, а мы тут пока развернём кипучую деятельность на собственное благо!

– В смысле?

– В смысле бизнеса.

– Бизнеса? Это какого ещё бизнеса? Марина, рассказывай всё правдиво, а то я тебе просто не разрешу никакие аферы устраивать! – Карина не шутила.

– «Не разрешу!» Ох, Каринка! – Марина тем более не шутила. – Открывается подпольный фронт! Мы с тобой теперь героини-подпольщицы, и Павлик наш соратник по борьбе!

– Что? – насторожилась Карина. – По какой ещё борьбе?

– Обыкновенной. Всеобщей борьбе за деньги. У нас с тобой сейчас деньги есть?

– Нету. – Карина напряглась. Ей очень не хотелось вкладывать последние денежки в то, что сейчас Марина замышляет.

– Правильно говоришь. Нету денег. А нужны они нам? Нужны. Значит, будут. Мы за это и боремся, – заговорила Марина без тени сомнения. – Так что, боец невидимого фронта Карина, мобилизуй на это все свои молодые силы.

– «И слушайся командира», забыла добавить, – съехидничала Карина.

– Да, – жестко вдруг сказала Марина и оглянулась на дверь. – Каринка, кончилось детское веселье. И если мы не будем работать в команде, если ты не будешь делать всё как надо, то есть как я говорю, то мы с тобой, и Павлик в том числе, окажемся в такой жопе... Одним словом – прогорим и вылетим отсюда. Да так, что больше ни в одно приличное место не удастся сунуться. Ты понимаешь?

Карина испугалась. Даже в тот миг, когда она видела, как падает на пол её поднос, не охватывал Карину такой ледяной ступор...

– Что, что ты задумала, Маринка? – прошептала она. – Не пугай меня. Говори, что?

На стене в подсобном помещении под стеклом висели правила для сотрудников, где было написано, что категорически запрещается проносить в ресторан и выносить оттуда еду и спиртные напитки. Противный охранник на вахте у служебного входа всегда заставлял девчонок показывать при входе и выходе сумки, и это несказанно бесило Марину. Она демонстративно носила с собой из дома сверток бутербродов и бутылку минеральной воды, и при управляющем отвоёвывала себе это право. Типа: «Вот моя еда, и именно её на работе я буду есть. Поэтому и несу!»

Однако Марина успела заметить, что бармен другой смены, Гриша, торговал своей водкой (то есть той, которую он покупал где-то по дешёвке, а в баре продавал по ресторанной цене), и Альбина ему в этом помогала. Они хитро проносили свои бутылки и прятали – Марина сумела даже подметить где. Поэтому и в их смене Альбине нужен был такой же «свой» бармен. А Павлик не хотел становиться ей «своим». Вот его и выживали.

На его место уже претендовала бывшая официантка, работавшая когда-то в «Зеркале».

Нет уж, дудки. Марина воспользуется этой тактикой. Знание – сила.

– Я тебе, Каринка, сейчас всё объясню. И ты поймёшь, на что надо мобилизовать наши молодые силы.

– В смысле?

– В самом прямом.

В раздевалке, где и проходил весь этот разговор сестёр, никого больше не было, смена только началась. Марина, аккуратно выглянув в коридор и закрыв затем дверь как можно плотнее, присела на корточки, одной рукой приподняла лист обшивки стены, а другую просунула в образовавшуюся щель.

– Видишь? – торжественно прошептала Марина, вытаскивая из щели бутылку коньяка «Хенесси». – Смотри внимательнее. Это наш тайный склад боеприпасов. О нем больше ни одна живая душа не должна знать. Понимаешь меня, Карина?

Марина спрятала коньяк, достала из своего тайника бутылку водки, ласково похлопала её по брюшку, подмигнула Карине и убрала туда же, откуда достала. Лицо её было таинственным. Карина, глядя на сестру, даже подумала, что та похожа сейчас на военачальника в период подготовки важного наступления. Но вслух сказала:

– И что ты собираешься с этим делать?

– Процесс уже в действии, – заговорщицким шепотом ответила ей Марина, поднимаясь с пола. – Пока то да сё, мы с Павликом в бар уже с утра первую порцию зарядили. Я думала, придётся долго Альбину пасти, следить за ней, чтоб ничего не пронюхала. А тут нам удача сама в руки упала. Что, Карина, скажешь – это не судьба?

– Я не знаю, – прошептала Карина, – но ты о Павлике-то подумала? Он и так под контролем и подозрением, а ты его ещё впутываешь в свои махинации.

– Наши махинации, Кариночка, наши. Мы же тут с тобой вместе. – Было слышно, как по коридору кто-то шёл, поэтому Марина приникла к двери, одновременно подтягивая колготки. Шаги удалились, Марина продолжила: – А вообще, одно к одному клеится – клин клином выбивает. Павлика Альбина подсидеть хочет, а он теперь сам на себя работать будет. И мы ему поможем это делать так, что никто не подкопается.

– Людей обманывать?

– Каким образом? Мы им что, некачественную водку подсовывать будем? Травить их? Денег больше брать? – Шептать Марина уже не могла. – Наша водка ничем не будет отличаться от ресторанной, кроме...

– Это нечестно. – Карина знала, что Марина просто до потолка готова подпрыгивать, когда она говорила ей такие слова. Знала, но всё равно говорила.

– Ах, нечестно? А честно, что в ресторане рюмка водки стоит почти столько же, сколько в магазине целая бутылка точно такой же водки? Опять тебе все сначала объяснять, да? – злилась

Марина, гневно глядя на часы. – Опять лекцию о международном положении читать? Карина, не тупи. И не подставляй меня смотри. За что может быть такая наценка? Золото, что ли, расплавленное, бармен в водку или в кофе подливает, что они такие дорогие у нас в ресторане становятся? Бармен перетрудится, если сто таких рюмок в день нальёт? Нет, он за это зарплату получает. Рабочий же на заводе не берёт чаевых за то, что он агрегат какой-нибудь правильно собрал? Нет, потому что это его работа, за которую есть зарплата. И у нас с тобой такая работа, что мы должны культурно людям еду подносить. Но у нас-то в ресторанах все по-другому.

– Марина, я все понимаю, не кричи... – Попыталась утихомирить разошедшуюся сестру Карина.

Но Марину несло:

– Ты понимаешь, да? А я вот не понимаю. Почему наценки? Ладно, мясо, морепродукты дорогие, их незнамо откуда везли, ловили долго, с риском для жизни. Пусть. Тогда почему и остальное так дорого, а не как в магазине? Ага, налоги там, аренда, обслуживание и все такое. Кто придумал такую систему налогов? Кто-то из тех людей, которые в наш же ресторан и приходят. Значит, нравится им это, да? Выходит, нравится. А нравится, я тебе уже говорила, – пусть платят. Раз согласны с такими ценами. Кто-то же придумал эту машину, завёл, и вот мы с тобой в неё попали. Значит, и мы оторвем себе кусок добычи. Людям приятно платить за наши услуги много – вот пусть они честно нами привезенную водочку у Павлика-то и покупают...

Марина, тяжело дыша, плюхнулась на стул, на котором лежала чья-то одежда. Она могла сосредоточиться так, что масштабно мыслила на много уровней вперёд, за нескольких людей, умела смотреть с разных точек сразу, то есть видеть и просчитывать всё вдаль... Или это ей казалось, что вдаль. На самом деле её выводы часто заканчивались не далью, а тупиком. Но Марининых сил и энергии всегда хватало на то, чтобы быстренько пересмотреть свои взгляды и изменить стратегическую линию.

Карина вытащила из-под сестры рубашку и джинсы одного из официантов Шевеляевых и поняла, что никуда она от своей Марины не денется – чтобы та могла видеть в полёте своей кипучей деятельности всё, что происходит под ногами. А Карине не было равных в умении замечать мелочи и правильно их анализировать.

И Марина сразу «просекла» ход мыслей сестры.

– Ну, мурзик, мы команда? – Открывая дверь в коридор, спросила она, хитро улыбаясь Карине.

– А, ну тебя... Команда. Куда ж ты без меня, – ответила Карина, направляясь вместе с Мариной через кухню в зал. – Слушай, так это ты тогда на рынок, что ли, ездила?

– Тише, тише, – прошептала Марина, помахивая рукой повару Диме, – не на рынок, а в магазин, где хорошей водкой и винами оптом торгуют. Затарилась конкретно. У нас и дома тоже склад. Все денежки последние пущены на благородное дело нашего процветания.

– Последние?! – Карина поняла, что напрасно она переживала за деньги. Поздно уже было.

– Сегодня новых нашибаем, эх, Каринка! – Словно уха-купец, раскрыла руки Марина и таким вот лебедем всплыла в зал, где, кроме Ореховой и нескольких охранников у дверей ещё никого не было.

Карина покосилась на Павлика, который протирал бокалы за своей стойкой. Павлик кивнул ей, она ему подмигнула.

– Ну что, ты поняла, что теперь из напитков нашего бара тебе лучше всего рекомендовать клиентам? – сделав строгое лицо, спросила у неё Марина.

– Поняла, конечно, – ответила Карина. – Слушай, а что, Павлик раньше так никогда не делал?

– То есть? – не поняла Марина.

– Ну, то есть «левым», в смысле своим товаром не торговал?

– Не знаю. И не хочу знать, – сказала Марина, поправляя скатерть на столе. – Я знаю только одно: теперь он будет это делать с нами.

– А как мы будем все это проносить в ресторан? – не унималась Карина, которой хотелось всё знать и понимать, в каком месте надо быть особенно осторожной.

– Как-как, каком кверху! – громко уже крикнула Марина. – Ненавижу, когда ты тупишь... И хотела ещё что-то добавить, но тут к ним подошла Наташа Орехова.

– Что, девчонки, не забыли – через две смены у нас опять банкет? – уже машинально поправляя и так совершенно ровно стоящие приборы на столе, спросила она у сестёр.

– Банкет... – вздохнула Карина.

– Банкет, да ещё какой, – скривилась Наташа Орехова, – с полным обслуживанием, на тридцать пять человек, столы буквой «П». Ой, тоска... Вы бы видели заявку, какую я сейчас на производство отнесла. Там они даже стерляжью уху заказали, так что мы с вами умрём на этом банкете к ночи, когда будем столовые ложки натирать, супницы таскать...

– Да, девочки, – подхватила подошедшая сразу официантка Наташа, которая очень любила поговорить, – это удавиться. Как же я банкеты ненавижу. Во сколько он начинается?

– В пять на этот раз. К нашему начальству, как я поняла, какие-то важные люди приедут.

– Знаю, – ответила метрдотелю Наташа, ковыряя нос краем крахмальной салфетки, – из налоговой, небось, ребята, которые уже на аперитиве нажраться успевают.

– Нет, – Орехова выхватила у неё салфетку, – в этот раз другие. Поставщики – винные, рыбные, мясные. Так что инструктаж будет проводить и управляющий, и я, и директор. Чтоб никто не облажался. Нас, конечно, той сменой усилят, но особенно ни на что не рассчитывайте и не вздумайте расслабляться.

– Во как.

– Да. – Орехова двинулась к входным дверям: показался первый посетитель.

– Банкет – это очень хорошо, – сказала Марина Карине. И на этот раз уж Карина никак не могла понять, с какой радости Марине, остро не любящей банкеты, вдруг он показался нужным.

Глава 4. Первая жертва

Ресторанное начальство очень любило праздновать, очень. Повод, по которому на этот раз был назначен банкет, был сложным и разветвлённым – поставщик вин, водки и других напитков, некто Эдик, появляющийся в «Зеркале» редко, да метко, отмечал очередную веху своего сотрудничества с хозяевами ресторана.

К тому же поводом для банкета было ещё какое-то официальное и принципиально важное для хозяев событие. Из этого следовало только то, что суеты, ответственности и беготни намечалось на сегодняшний вечер чрезвычайно много.

С утра работала только правая сторона ресторанного зала. В левой части столы выстраивались буквой «П», стелились длинные скатерти, Наташа Орехова долго возилась, накалывая на специальные наколки живые цветы для украшения – девушка-флорист, которую обычно приглашали этим заниматься, кажется, «динамила» «Зеркало» без объективной причины. Несколько раз посчитанная и записанная посуда расставлялась в строгой банкетной симметрии, управляющий даже выдал метрдотелю схему расстановки. Люди всё, конечно, знают, но чтоб лишний раз не перепутали – Андрей Константинович был человек добрый, но педантичный, при явной своей склонности к воровству и многоступенчатым интригам.

Едоки бизнес-ланчей были в этот день особенно недовольны и капризны. Именно они начали мотать нервы официантам, которых ждал впереди долгий пышный праздник хозяев жизни. Возможно, многие из клерков, что кормились на этих бизнес-ланчах, понимали, что готовится зал для банкета, принимать участие в котором они не будут. А хотелось им, наверное, попить – вот они и злились...

Когда все уже было готово, даже придраться не к чему, а официантки причёсывались и подкрашивались в своей раздевалке, произошло чудесное превращение. На глазах изумленной публики от зеркала вдруг отошла невероятная красавица. И в первую минуту абсолютно никто не мог узнать Марину.

– Ой, Марина, неужели это ты... – только и могла прошептать официантка Дашенька, прижимая к груди незакрытую помаду.

Марина не приложила даже особенных усилий – она лишь собрала волосы в королевскую причёску и нанесла макияж. Она обладала талантом к перевоплощениям, умелыми руками и тонким вкусом. Оказывается...

Вот и сейчас, даже в своей форменной одежде – обычной голубой блузке и юбке, в которой её видели в «Зеркале» постоянно, – Марина выглядела воплощенной девушкой мечты любого, даже самого взыскательного мужчины. Карина рядом с ней казалась просто милым ребёнком. Сестра же излучала красоту – сияние, перед которым отступали и зависть, и недовольные разговоры.

– Вот вы, оказывается, какие... – пробормотал Костя Шевеляев и кивнул Володе на Марину.

Переодеваясь, девушки уже даже не замечали, что в подсобке присутствуют существа мужского пола, которые работали с ними в смене, то есть Шевеляевы. Сёстрам они казались настолько «своими», что их можно было не стесняться.

Но Костя оказался не прав. «Такой» была только Марина, Карина же, любитель скромной одежды и такой же жизни, не могла отважиться на подобный имидж, как бы сестра ни приставала к ней. Поэтому и Марина, чтобы, по правилам ресторана «Зеркало», не отличаться от сестры, ходила на работу накрашенная и причёсанная точно так же, как Карина. Однако в дни, когда проводились банкеты, похожесть или непохожесть официантов значения не имела, а потому Марина вполне могла сегодня позволить себе выглядеть так, как хотела, не подстраиваясь под свою скромницу сестрицу.

Однако восхищаться всем было особенно некогда. Проводив Марину одобрительными возгласами, официанты во главе с Ореховой, которая для успокоения нервов выпила пузырь валерианки на стакан воды, ещё раз оговорили свои обязанности и встали по местам.

Карина с Мариной по-прежнему работали сегодня в паре, Карина подавала блюда, Марина – вина и напитки.

Торжество началось. Однако зря так тщательно готовилась смена Ореховой к банкету, зря официанты боялись что-нибудь перепутать. Некоторые гости изрядно набрались уже за аперитивом, как, наученные предыдущим опытом, официантки и предсказывали. Хозяин праздника был как-то особенно суетлив, ждать перемены блюд он не хотел и прямо вместе с закусками потребовал «знаменитую», как заявил Эдик, совершая нечто вроде поклона в сторону директора ресторана, стерляжью уху. К первым блюдам практически у всех гостей было отношение особое, не все «супа» хотели. Началась возня, суета, каждый старался громко крикнуть, чего он желает съесть. Всевозможные вилки, ложки, а иногда и тарелки посыпались на пол, гости закричали, захлопали, захохотали. Официанты сбивались с ног, едва успевая выхватывать из-под носа приглашённых пустые тарелки, перевёрнутые фужеры и бокалы, ставить новые, подливать вина, водки, менять салфетки, расчищать место для того, чтобы поставить на стол очередное блюдо.

Гости не церемонились. Это был их мир, их жизнь, их законы.

Карина обносила стол мясным ассорти и ещё от вполне трезвых и на вид приличных людей то и дело слышала весьма хлёсткий мат, тупые и грубые, на её взгляд, шутки и словечки. Женщины, которые тоже были на банкете, и в том числе жена директора Раиса Васильевна, казалось, даже не слышали этого и не замечали. Во всяком случае, никак не реагировали. А многие и сами не отставали.

Очередность подачи нарушилась – не все гости хотели есть то, что было заявлено в меню банкета. Официантам, по знаку директора Алексея Николаевича, приходилось бегать на кухню и заказывать спешно то, что люди требовали.

– Разрешите, я налью вам что-нибудь? – встав за спиной гостя, который находился в зоне её обслуживания, тихо произнесла Марина. Но произнесла так, с едва заметным придыханием, что молодой человек, до этого вальяжно разговаривавший со своим соседом и вяло отвечавший на тосты хозяина праздника, вдруг обернулся и посмотрел на неё.

– Руслан, водочки, давай-ка мы с тобой ударим по водочке! – пьяно упрасивал его сосед, до этого ковырявшийся вилкой в трюфеле, что поднесла ему всего несколько минут назад Карина.

– Вина белого, пожалуйста... – проговорил Руслан, пристально глядя на Марину.

Руслана в ресторане знали все. Он был едва ли не более важным человеком, чем Эдик, потому что занимался поставками свежего мяса и дичи. И потому сидел сейчас Руслан по левую руку от хозяина и вид имел соответствующий.

– Вы новенькая, да? Я ведь раньше вас здесь не видел? – Руслан хотел схватить Марину за руку, однако в её руках была большая бутылка, и Руслан понимающе кивнул и отодвинулся. – Марина, да? Я бейдж с вашим именем прочитал. Марина...

– Извините меня, я на работе, – Марина, наклонив голову, тихо отошла от стола и быстро направилась к кухне. И на ходу, уже почти у самого поворота, вдруг обернулась. Руслан перехватил её взгляд, вытянул шею и лучезарно улыбнулся. Он ещё хотел, видимо, помахать Марине рукой, но не решился.

«Все, голубь, ты – мой, – подумала Марина, улыбаясь Руслану, который, как ему казалось, видел её сегодня в первый раз в жизни. – Скоро ты у меня станешь совсем ручным. Так что держись за свои денежки, не растеряй, они мне ещё пригодятся».

Марина подходила к нему и его соседям, обслуживала, подавала, уносила, больше практически ни словом не перебросившись с Русланом. Она только смотрела на него – то, прищурившись, издалека, то с лёгкой улыбкой, если оказывалась напротив.

А Руслан сидел как на иголках. Поначалу он требовал себе вина, минеральной воды; просил заменить пепельницу, салфетки – так он, словно ребёнок, пытался удержать Марину возле себя. Молча и учтиво, как и положено хорошей официантке, Марина обслуживала Руслана, не выделяя его среди остальных гостей, опускала глаза и смотрела на него с полуулыбкой, если Руслан пытался заговаривать.

И все же, когда многие участники банкета уже выбрались из-за стола и разбрелись, Руслан улучил момент и остановил Марину возле кухни.

– Да, да, я понимаю, ты сейчас на работе, – с восторгом глядя ей в глаза, говорил он, – но можно я провожу тебя до дома? Ну, подвезу, когда ты закончишь. Можно?

«Подвезти? – с весёлым азартом подумала Марина, вспоминая былое. – А покататься? Нет? Ну, вот так-то лучше. По-другому заговорил. Побегай-ка за мной, орёл молодой, посуе-тись, это тебе не девочек на улице снимать».

– Ну что ты, Руслан, я тут не меньше чем до часу ночи сегодня. Вы же гуляете до победного, – вздохнула Марина. – Нам, официанткам, знаешь, как много тут убирать придётся.

– Долго? – Видя, что Марина сделала движение в сторону кухни, дёрнулся Руслан и взял Марину за руку. – Долго сидеть, говоришь, тут будем? Хочешь, Мариночка, я разгоню всех к чертям собачьим, и мы с тобой будем свободны!

– Ты что, Руслан! Это же твои партнёры, это же друзья директора. Нет. – Казалось, Марина очень переживает за судьбу гостей.

– Ну, по крайней мере, пусть быстрее сворачиваются. – Было видно, что Руслан человек решительный и обычно выполняет всё, что говорит.

Он вытащил телефон, быстро поговорил с кем-то, повернулся к Марине, которую так и не отпускал, держа за руку, и сказал:

– Это я так, по делу. Извини. Слушай, скажи, ну ты же хочешь, чтобы я тебя проводил, ведь можно, да? Ты, наверно, устанешь... У меня хорошая машина, домчим лихо.

– Можно, конечно, проводи. Но только я не одна, я с сестрой, – ответила Марина.

– И сестричку возьмём, – обрадовался Руслан.

Марине нужно было бежать к бару. Она махнула Руслану рукой, он широко улыбнулся, но тут же убрал улыбку и серьёзно сказал:

– И особенно не суетись. Эти наши всё равно уже набрались, ничего не соображают. Ну их, не утомляйся, ладно?

Марина засмеялась ему в ответ и убежала на лёгких каблучках.

Внезапно четверо важных гостей поднялись из-за банкетного стола, быстро простились с хозяином и Эдиком и вышли из ресторана. Веселье, конечно, продолжалось, Руслан оживился и выпивал со всеми гостями.

Но как-то незаметно банкет свернулся. Осталось много еды, спиртного. Некоторые важные дяди клевали носами, некоторых уводили водители или охрана, даже сам Алексей Николаевич еле держался на ногах.

– Алексей, можно я девчонок домой подкину, они сегодня торопятся, – приобняв директора, заявил Руслан. – У вас же тут и без них ребята справятся? А?

– Руслан, какие проблемы! – Алексей Николаевич, мужчина лет тридцати восьми, для директора предприятия общественного питания выглядящий довольно спортивно, улыбался, как молочный поросёнок, в свою очередь обнимая Руслана. – Официантки, что ли? Ладно, пусть едут, конечно же.

Руслан, как к себе домой, радостно влетел на кухню, побратался с шеф-поваром Димой, поцеловал Валентину Павловну, похлопал по затылку помощника Сашку.

– Марина, все, мы можем уже ехать! – просиял Руслан, увидев Марину, вошедшую на кухню с полным подносом грязной посуды.

– Правда?

– Да! Лёха отпустил, собирайтесь! – Руслан подскочил к девушке, чтобы обнять, но почему-то застеснялся.

Повар Дима махнул шумовкой: «Собирайся, мол, раз отпустили, чего стоишь!» Марина весело улыбнулась ему, чуть тронула Руслана за рукав и унеслась в зал.

Через пять минут они уже стояли с Кариной у входной двери.

– Куда, куда тебя несёт, что за спешка такая? – недовольно бубнила Карина на ухо сестре. – Там столько еды осталось, надо бы домой нагрести, я специальных баночек и лоточков набрала... Совсем чуть-чуть и успела завернуть. А ты... Беготню какую-то устраиваешь. Там севрюга великолепная осталась, эх, девчонки все, конечно, растащат, угорь холодного копчения, я его специально с краю ставила, чтоб дотянуться никто не мог. Угорь вкусный, это что-то... Марин, а мяса там знаешь сколько...

– Да ладно тебе, Каринка, – улыбаясь сама себе, легко отмахнулась Марина, – будет тебе столько мяса, что хоть не скажу, чем его ешь.

Больше Марина не говорила ничего, сколько сестра к ней ни приставала.

И пока Руслан прощался со своими приятелями, Карина удивлялась тому, что случилось, не пытаясь теперь даже спросить что-либо у Марины, которая только лишь улыбалась сама себе и Руслану, потому что он постоянно на неё оглядывался.

– Ты что, не помнишь, что он... – Карина попыталась объяснить сестре, куда та может влипнуть.

Но Марина даже слушать ничего не стала, бросила только:

– Что он? Ничего он. Всё. Власть переменилась. Теперь всё по-другому, теперь я – королева.

– Ну, прошу в машину! – Карине показалось, что подошедший к ним Руслан даже поклонился. – Довежу вас до дома, как персидских принцесс!

Водитель уже ждал. Он распахнул двери, сёстры сели на заднее сиденье. Руслан, словно маленький ребёнок, все вертелся на своём кресле, оглядывался на девчонок, шутил, иногда вдруг начинал резко стесняться, замолкал, но затем не выдерживал и снова поворачивался.

– Мы приехали, вот наш дом! – вытянув руку, крикнула Марина. – Вон тот подъезд.

– Ой, Руслан, спасибо... – пробормотала Карина, у которой от езды на хорошей машине уже почти слиплись глаза, хотя она и пыталась следить за ситуацией и, если что, немедленно выпрыгивать на дорогу и тянуть за собой сестру.

– Ах ты, маленький, совсем засыпает, – умилился Руслан. – Не представляю даже, как вы устали, Марина. Засыпает твоя сестричка.

Карина чуть не плюнула в Руслана за это «Ах ты, маленький», но сдержалась.

– Она подносы тяжёлые сегодня таскала, устала, конечно, невозможно как. Это мне по винам сегодня чуть больше повезло. Ну очень уж день был суматошный, – вздохнула Марина.

– Но всё ведь закончилось?

– Да, да... – ответила Руслану Марина, собираясь выходить из машины. – Ты не представляешь, как мы тебе, Руслан, признательны. Сейчас бы ещё бегали, столы двигали и посуду таскали.

– Ну, Марина, что ты говоришь такое...

– Будем прощаться? – Карине уже очень хотелось и домой, да и от Руслана этого подозрительного поскорее избавиться.

– Да, прощаться... – погрустнел Руслан.

– До свидания, – противным голосом проскрипела Карина. Марине так и хотелось её ущипнуть.

- Может быть, выпьем у нас чаю? – тянула время Марина.
- У нас, правда, тётя, – вставила Карина, и Марине пришлось всё-таки незаметно ущипнуть её.
- Да нет, раз тётя, уже поздно её тревожить... – замылся Руслан.
- Руслан, тогда ещё раз спасибо, мы так хорошо доехали. – Почему-то Карина оказалась очень многословной, да ещё и инициативной. Этого Марина от сестры просто не ожидала.
- Да, большое спасибо, – решила наконец Марина.
- Марина... – детским голосом вдруг протянул Руслан. – Мне, конечно, неловко предлагать, ты устала... Но ты же завтра не работаешь?
- Не работаю, – твёрдо сказала Марина, и Карина вздохнула.
- Может, давайте тогда съездим в одно очень хорошее место.
- Сейчас?
- Я очень спать хочу, – захныкала Карина.
- А мне бы переодеться, – сказала Марина.
- Нет, что ты! – чуть не подпрыгнул от радости Руслан. – Тебе и так будет хорошо! Ты ничего делать не станешь – только сидеть, отдыхать, а тебя развлекать будут.
- А бассейн там есть? В бассейн хочется, – мечтательно потянулась Марина, – с самой школы ни разу там не была.
- Нет, бассейна нет, – сник Руслан, – а тогда давай поедem в другое место, там есть бассейн! Это за городом, но не очень далеко! Марина! Там заведение моего друга, там не то что бассейн, всё, что пожелаешь, есть! Хочешь? Я ему звоню, да?
- Звони, – улыбнулась в темноту Марина, пока Карина вылезала из машины.
- Руслан схватил телефон, быстро заговорил, изредка поглядывая на Марину. Друг, видно, ждал Руслана.
- «Вот и хорошо, – подумала Марина. – Я не сомневаюсь, что всё окажется по-моему. Будем считать, что моя хорошая жизнь начинается. А дальше я уже сама. Работай, Русланчик! Будешь хорошо себя вести, и я тебя не обижу».
- Давайте, я провожу вас домой, мы с Мариной отпросимся у тётки, сядем в машину – и только ветер нам засвистит! – Схватив сам пакеты и сумки сестёр, щебетал Руслан, поднимаясь по лестнице вслед за Кариной и Мариной на их пятый этаж.
- Но отпрашиваться было не у кого. Тётя Вероника спала мирным сном, она теперь никогда уже не вскакивала спросонья, услышав, как поворачивается ключ во входной двери: привыкла, что девочки приходят домой очень поздно. Так что разбудить её можно было разве что только громкой пальбой из пушки.
- Карина, не волнуйся, я привезу твою сестру – отдохнувшую, весёленькую! Ну, не дуйся! – взяв Карину за плечи (с Мариной он такого позволить себе не мог), сказал Руслан и встряхнул её.
- Каринка, я скоро! Всё будет хорошо! Ну что ты! Спать давай ложись! – весело шепнула ей Марина, поцеловала на прощанье и скрылась за дверью вслед за Русланом.

Глава 5. «Москва будет наша...»

Карина даже не успела посмотреть вслед сорвавшейся с места машине. Марина уехала, а куда? Зачем ей этот Руслан – надменный и напыщенный, а теперь вдруг заглядывающий в глаза, ну чудной, да и только... Ведь если бы не Павлик, неизвестно, что сделал бы с ней тогда этот Руслан. И что за друг у него там в машине сидел? Нет, думала Карина, сестра всё-таки у неё с большой дурью. Ведь с ней может случиться сейчас всё, что угодно. И где её потом искать? Неужели это Руслан так влюбился? А почему раньше не влюблялся, ведь он видел Марину часто? Неужели потому, что это она сама, Марина, так захотела, – и вот он, пожалуйста, ручной Русланишко.

Как Карина ни старалась гнать от себя плохие мысли, они продолжали кружить в её голове.

Наскоро приняв душ, Карина разобрала свою постель, уложила одеяло, как гнездо, села в него и зажгла ночник. Одиноко и неуютно показалось ей без сестры. Так получилось, что за всю жизнь они с Мариной никогда не разлучались. С самого детства они проспали с ней в одной комнате, и только однажды Карина ночевала без Марины. Когда Марину увезли вдруг в больницу с признаками острого аппендицита, Карина пролежала, не сомкнув глаз, всю ночь. Ей казалось, что Марину сейчас режут острым ножом, что ей больно, что она кричит и зовёт на помощь. Этот острый нож, что резал Марину, казалось Карине, режет и её.

А утром Карину увезли в ту же больницу, что и Марину, и сделали точно такую же операцию. Что это было – самовнушение или болезнь на двоих, установить оказалось невозможно.

Однако, выздоровев, сёстры поняли другое – друг без друга они просто никуда. И было им тогда по шесть лет.

Родители и знакомые долго ахали по поводу этой истории и разводили руками – как странно, странно все это, однако Марине и Карине всё казалось простым и понятным.

И вот теперь Карина оказалась одна, совершенно одна. Тётя и её моська не в счёт. Ни Марина, ни Карина никогда раньше не ходили на свидания, никогда не заводили романов, хотя Марина часто говорила об этом, расспрашивала подруг, обожала читать книги про любовь.

У них были только друзья, которые остались в родном городке в Ивановской области. Друзья, подруги, собака Шива – большая и пушистая, мама, папа, бабушка и дед – все остались там, в том маленьком, но невероятно большом для Марины и Карины мире, где прошло их детство.

Все они, да ещё коллекция оленей: пластмассовых, плюшевых, глиняных, стеклянных, деревянных, самодельных – это всё, что было родного и любимого у Карины.

Она вылезла из своего гнезда, встала с кровати и подошла к шкафу. Там, за стеклом, стояли её олени. Карина привезла с собой всю свою небольшую коллекцию, только одного, большого, набитого мягкими опилками оленя с янтарными глазами, которым играла ещё их маленькая мама, она оставила дома.

– Олешка мой... – прошептала Карина, взяв в руки небольшого, кривобокого то ли оленя, то ли гремлины, которого, таясь в ванной, связала ей когда-то Марина и подарила. В пятом классе. Это была вторая вещь, связанная Мариной. Первой, тренировочной, был длинный тощий шарфик для куклы, который вскоре подобрала и разжевала собака, вернее, тогда ещё не собака, а маленький наглый щенок. Дальше у Марины с вязанием дело не пошло – ей казалось это занятие нудным и однообразным, а к тому же практически безрезультатным. И только этот самовязный олень, потому что он сразу понравился Карине, и радовал Марину.

Прижав к глазам Маринино оленя и вспомнив о собаке, Карина вдруг заплакала. Слёзы впитывались в потрёпанную вязаную спинку... Всклипнув, Карина сняла с полки ещё одну свою игрушку – лёгкого, на тонких ножках, оленёнка из тисового дерева.

Как только они с сестрой приехали в Москву, Карина увидела его на витрине магазинчика в длинном переходе метро и тут же поняла, что должна купить немедленно. Он был стройный, летящий, словно воплощение мечты, а ведь именно с Москвой связывали сёстры своё будущее счастье.

Текстильная фабрика, на которой работала их мама, выписала Марине и Карине направление, чтобы те смогли поступить в институт лёгкой промышленности. Тётя Вероника с радостью согласилась принять девочек у себя, пока они, после поступления в институт, не переедут жить в общежитие (Карина очень хотела в общежитие). Всё, казалось бы, должно быть замечательно, однако девочки, которые в школе учились очень хорошо и даже чуть не дотянули до серебряных медалей, на экзаменах вдруг нахватили троек, а на последнем – математике, Марине вообще поставили двойку.

– Не волнуйся, Карина, – забирая документы, утешала сестра, – если нам этот институт будет нужен, мы в него с другого входа зайдём.

– То есть? – не поняла Карина.

– То есть найдём способ и попробуемся. Если, конечно, нам этого очень захочется.

Теперь путь их лежал в сторону поисков заработка. И только самый ленивый не смог бы найти себе работу в Москве летом.

Сёстры взялись продавать хот-доги на ВВЦ. Рабочий день их начинался в восемь утра и заканчивался после восьми вечера. Их демократичные начальники – два молодых парня – сами катали им тележку, ставили зонтик, подвозили свежую зелень, булочки и сосиски, когда нужно, доливали воды в баллоны с концентрированными кока-колой, фантой и спрайтом.

Вот именно это поразило тогда Карину. И ей казалось, что теперь на всю жизнь она расхочет пить эти напитки. Поскольку шлангами ребята пользовались теми, какие у них были, а были только короткие, тянуть их от тележки к питьевой воде было просто невозможно. И, не особо утруждаясь, ребята-начальники лихо закидывали шланг на клумбу, прикручивали к носику крана, из которого шла вода для полива травы, и накачивали этой воды в свои баллоны. А к клумбе, в свою очередь, вода шла непосредственно из-под чугунного канализационного люка, что находился у самого фонтана.

– Это получается, мы продаём людям воду из фонтана? – пытались возмущаться крайне удивленные сёстры.

– А что делать, где мы вам другую воду найдём? – резонно замечал один из начальников. – Не хотите, сами не пейте. Мы вот не пьём. Главное – торгуйте.

– К тому же кто знает, что там на заводах в бутылки за воду такую разливают? Может, она ничуть не лучше нашей, из фонтана, а пьют ведь все, и ничего.

– Так ведь на заводах стандартизация, контроль... – Марина тогда ещё пыталась что-то доказать.

– Да, контроль, санитарно-эпидемиологический, – не отставала от неё Карина.

Но весёлые начальники только отмахивались и просили лишь громко не распространяться про воду. Сёстры молчали. Однако уличная торговля преподносила им новые сюрпризы, заставляя смотреть на жизнь жёстче и суровее. И сосиски для хот-догов попадались порой просроченные или зажаренные ещё вчера. И девочки продавали их, обильно поливая кетчупом, горчицей или майонезом. Бывало, что булочки подмокали на складе и покрывались голубоватой плесенью. И ничего, плесень срезали, обрезанные бока заливали опять теми же майонезом и горчицей, заворачивали в пару-тройку салфеток – и пожалуйста: «Покупайте свежий горячий хот-дог!»

За первый же месяц своей работы, а получали Марина с Кариной сдельно – от суммы, на которую за день им удастся продать воды и хот-догов, – заработали девочки столько денег, сколько их мама, папа, дедушка и бабушка вместе за полгода. Они научились покупать и ста-

вить на продажу свои сосиски и булочки, делая это незаметно для начальников, приносить с оптового рынка пиво и воду в полулитровых железных банках, приторговывать и ими.

Но на одну уловку, достаточно распространённую среди уличных торговцев напитками, Карина и Марина категорически согласиться не желали. Учёт проданной газированной воды вёлся не по объёму газировки, которую продали за день (это было очень сложно подсчитывать), а по количеству стаканчиков – обыкновенных красных бумажных стаканчиков по половине литра – с надписью «Кока-кола», а по желанию клиентов ещё и с трубочкой и крышечкой. Если наливать в один и тот же стаканчик напиток несколько раз, то эти деньги можно было брать себе. Можно было купить пачку таких стаканчиков или использовать их по второму, а то и по третьему и четвёртому разу. Купить чистые стаканчики оптом можно было, но неизвестно где и когда. Оставался один для всех способ – наливать в использованные. Для этого по территории выставки бродили бабушки и дети, вытаскивали стаканчики из урн, мыли и приносили их продавцам воды. А дальше уже было их право – брать стаканчики или не брать. Бабушки продавали эти стаканы по небольшой цене, а у мальчишек и девчонок стаканы приобретались в основном за газировку. Этих детей вовсе не интересовало, что вода для их любимой кока-колы добыта из ближайшего фонтана.

Стаканчики мыли той же водой «из фонтана». Особенно мятые, конечно, брать было нельзя – заметно, а вот с чуть-чуть помятым можно было легко разобраться – подавая покупателю, как бы невзначай смять его пальцами на том же месте, где он и до этого был смят. Извиниться мило: вот, дескать, так стараюсь, аж стаканчики мну, берите вашу воду, пожалуйста, приятного вам аппетита.

И человек уходит, потягивая воду, – в используемые по второму разу стаканчики нужно было обязательно для полной маскировки вставлять трубочки и накрывать их крышкой, чтоб не было видно плохо помытых стенок, тереть которые тоже было нельзя – заметно бы стало. Уходит бедняга и не подозревает, что кто-то уже пил из его якобы одноразовой посуды.

Марина и Карина видели, какой злостью покрываются лица маленьких сборщиков «тары», если на их глазах кто-то сминал и кидал в урну этот красный стакан из-под воды. Но точно так же эти дети и веселели, если удавалось им вытащить из той же урны, что была всего в метре от того места, где обычно стояла тележка с товарами Карины и Марины, жёсткий новый стаканчик, внутри которого ещё плескалась заветная жидкость. Ведь её можно было допить! Дети бросались, отталкивая друг друга, к этому стаканчику, и жадно глотали из него, держа очень аккуратно, чтобы не попортить. Это доводило сестёр до бешенства и слёз. Сколько раз Марина решительно давила ногой эти стаканчики в урне, чтобы никто не мог в них налить газировки по второму разу...

Но она понимала: если не будет этих стаканчиков, где ещё заработают себе денег эти глупые, но хитрые, облезлые и грязные дети? И Карина с Мариной пытались уверить себя, что поступают правильно – сами не торгуют, а уж другие пусть как хотят. И не мешали детям вытаскивать стаканчики из своей урны. С отказом от торговли стаканчиками «по второму разу» выпадала, конечно, целая статья доходов, но девочки надеялись, что она не так ощутима в сравнении со стыдом, который преследовал бы их за подобную деятельность.

Марина не хотела смириться с таким порядком.

– Это дешёвка, – в ярости говорила она, – на таком обмане сильно не разбогатеешь, только совесть плесенью, как наши булочки, покроется. Махинации должны быть крупными, и они здоровью и быту вредить не должны. Пусть будет всё красиво и сочно, чтобы если уж и проиграешь, то все вокруг не нос зажмут, а скажут: «Рисково работает!» Но если тебя вверх попрёт, чтоб тоже никто не завидовал. Красивой игрой можно только восхищаться, и мы с тобой этого добьёмся, Каринка. Москва будет наша.

Марина понимала, что не одна она такая хочет покорить Москву. Поэтому не обольщалась тем, что у неё всё сразу получится.

Наступила осень, задули холодные ветры, а по ВВЦ они гуляли особенно пронзительные. Лоточная торговля постепенно сворачивалась. Народ шёл в основном под клеёнчатые навесы, где можно было поесть мяса и плова с пластмассовых тарелок и, главное, укрыться от холода, а не давиться хот-догом и холодной кока-колой на ветру. Выручка день ото дня неуклонно падала.

Карине и Марине приходилось волей-неволей думать о смене работы. И теперь всё чаще Карина торговала одна, а Марина бегала по Москве, в хлопотах и поисках. Сомнительные предложения на должность помощника начальника отдела кадров солидной фирмы, что сулили многочисленные зазывные бумажки, которые или раздавались в метро, или были расклеены на столбах, девушек не устраивали. Работа в офисе, перед началом которой нужно было внести в бизнес фирмы собственные денежки, или торговля косметическими средствами также не прельщали девчонок. Марина упорно искала и знала, что, пока она бежит, верная Карина там мёрзнет, негнушными пальцами вынимает сосиски из тёплой печки, такой маленькой, что руки туда засунуть погреть невозможно, и постоянно трёт свой заledenевший нос. А потому Марине обязательно надо было найти для себя и сестры что-то достойное.

И она нашла. Газета, случайно попавшая ей в руки, раскрылась как раз на объявлении, где один солидный ресторан производил набор официантов без опыта работы. Главным условием было то, что претендентами должны быть близнецы до тридцати лет. Марина сразу поняла, что это их с Мариной единственный и такой счастливый шанс.

Что делают официанты, Марина видела только в кино и скромных сетевых кафе, но это не остановило её. Она чувствовала, была даже почти уверена в том, что эта работа – их будущее, а потому без всяких сомнений потащила сестру в ресторан.

Такие хорошенькие девочки, какими были Карина с Мариной, не могли не понравиться ресторанному начальству. Их взяли, сначала на испытательный срок, потом перевели помощниками официанта, то есть на одни чаевые, а затем – в штат.

Поначалу Карине, которая ужасно не любила всякие перемены, такая работа не нравилось, и она изводила себя одной и той же мыслью, что унижается перед всеми этими людьми, приходящими поесть-выпить, и которых она должна любезно обслуживать! Но постепенно ей удалось найти себе такую маску-щит, которым она закрывалась, любезно разговаривая со своими клиентами. Через эту маску никто не мог пробиться к ней, настоящей, обидеть её. Да ещё и сестра постоянно подбадривала, когда Карина совсем уж падала духом.

– Смотри, Каринка, – как-то сказала ей находчивая Марина, бодро кивая в сторону клиентов, – это ничего, что они тут господами сидят, а мы для них стараемся. Ты думаешь, они все сейчас чего делают?

– Едят. – не понимая, к чему клонит сестра, ответила Карина.

– Едят. – согласилась Марина, и глаза её засияли весёлым азартом. – А зачем они едят? Просто так, что ли? Просто челюстями работают? Нет. Они сидят и работают. Работают на нас с тобой, Карина. Не веришь? Ты подумай.

Карина подумала, но ничего особенного не придумала.

– Конечно, работают! – воскликнула Марина. – Сидят и именно работают – нам чаевые зарабатывают! Деньги! Понимаешь?

– Ой, да...

– Так что не кисни, Каринка! Мы их всех только так общёлкаем, они же нам за это ещё спасибо скажут. Диалектика, тут уж не поспоришь.

Постепенно Карине стало хорошо в ресторане, ей нравились отдельные категории посетителей, которых она обслуживала даже с удовольствием. Не ослабляя внимания, Карина смотрела на некоторых клиентов и домысливала себе их жизнь, представляла, кто они такие, чем занимаются, почему именно сегодня пришли в ресторан. Если слышала часть чьего-нибудь

разговора и этот разговор казался ей интересным, пыталась, когда отходила от столика, додумать его, понять, в какую сторону он сейчас пойдёт, – и радовалась, если её предположения оправдывались.

Ей нравилось смотреть за приготовлением блюд на кухне, и чем сложнее эти блюда были, тем чаще старалась Карина выкроить минутку, прибежать на производство и посмотреть, как повара их смены Дима и Валентина Павловна колдуют над ними. Блюда горячего цеха нравились ей больше, салатики, нарезки и другие прелести казались Карине более простыми. А вот мясо с пылу, с жару, запечённый или зажаренный кусок рыбы, пловы, марешали, котлеты и шницели радовали её сердце, доставляли чисто эстетическое наслаждение. Со временем Карина перестала стесняться пробовать что-то из недоеденных блюд, кое-что ухитрялась даже заворачивать себе домой, чтобы поздно вечером или уже на следующий день утром подкрепиться с Мариной.

Как ни странно, Марина, так ратовавшая раньше за то, что нужно не стесняться всё пробовать и подьедать на ресторанной кухне, быстро перестала это делать. Её мысли устремлялись уже куда-то вдаль, Карине было за ними просто не угнаться. Да она и не стремилась.

...Вот только грустно и одиноко было ей сейчас без сестры. Да ещё и страшно. Где Марина, что сейчас с ней – Карина могла только гадать, и не больше.

Однако вдруг стало ей как-то спокойно и даже весело, волноваться за сестру не хотелось. Что-то случилось хорошее – где-то там, где была сейчас Марина? Вот и ей, Карине, передалось настроение сестры? А что – хорошо бы, если бы так!

И Карина, рассадив всех своих оленей на тумбочке возле кровати, решила укладываться спать. Легла, накрылась, но снова вскочила, подошла к Мариной кровати и взяла медведя, что бедной сироткой сидел на подушке.

Обе сестры коллекционировали игрушки. Карина оленей, Марина – мишек. И любовь к этой традиционной игрушке доходила до того, что Марина рисовала медведей в школе на партах, клеила картинки с мишутками на книги и тетради. В Москву она взяла самого любимого – с толстыми лапами, распахнутыми в вечной готовности обниматься.

«Новых накуплю, – прокомментировала Марина свой поступок, – теперь у меня новая жизнь, а значит, новые мишки. Те пусть маму с папой радуют».

Глава 6. Был бы пирожок, а рот найдётся

Руслан действительно оказался ручным. Этим он Марине даже понравился. Она ни разу не припомнила ему случай на дороге. Оказалось, что из крутого Руслана можно верёвки вить.

На работе ухаживание Руслана прибавило, разумеется, Марине веса и значительности. В истории «Зеркала» ещё не было случая такой горячей любви начальника к официантке. Все девушки приставали к Марине с расспросами, их интересовало всё, что происходило между ней и Русланом. Но та не рассказывала ничего. Только смеялась и уверяла, что рано или поздно у каждой из них случится что-нибудь подобное.

– Слушай, зачем ты тогда работаешь? – спросила её как-то официантка Света. – Он тебя, наверно, жить к себе звал...

– Звал, конечно, и что? – удивилась Марина.

– Жила бы с ним, у него денег полно, не бегала бы тут с подносом, не ишачила. Эх, не понимаешь ты своего счастья, – махнула рукой Света. – Маленькая, наверно, ещё. Вот поработаешь с наше, поймешь, как это хорошо, когда у тебя есть мужик, у которого много денег. Тогда кинешься к нему прыжками, и никакая работа не будет нужна. А у тебя тем более Руслан – мечта любой здравомыслящей женщины. Его же...

Марина посмотрела на неё:

– Ты что, серьёзно? Вы все так думаете, что ли? А сестра у меня куда денется? Или мне Каринку тоже с собой к Руслану жить брать, чтобы она меня замещала, если что. Да?

– Ой, я про сестру не подумала. – растерялась Светка. – Правда, куда ж тогда Каринку девать? Ну, в другой ресторан бы пошла, раз в нашем только двойняшки работают. Подумаешь, проблема...

Но Марина и Карине объяснила, почему нужно работать, а не сдаваться кому-нибудь в сожительницы-домохозяйки. Объяснила так, что Карину мороз по коже пробрал.

– Мы будем работать, Каринка. Пока Павлик торгует нашей водкой, пока мы можем делать левые деньги с заказов и брать чаевые, в общем, пока мы носимся на побегушках – зреет где-то наша победа. А мы пока поработаем и подождём, пока удача сама не упадёт нам в руки. Деньги можно и с маленькой суммы начать собирать. Что, мало мы их с тобой наскребли? Не бойся, соберём – и вот тогда, поверь, развернёмся. Я хочу, чтобы у меня свой ресторан был. А ты, Карина, ресторан хочешь?

– Целый ресторан?

– Конечно. Нечего на части размениваться.

– Ну... Наверно, хочу.

– Будет тебе ресторан! – с горящими глазами сказала тогда Марина, и Карина увидела, что сестра даже торжественно приподнялась на своей кровати. – Будет. Я тебе это обещаю.

– Ты думаешь, мы много денег на ресторан накопим, если будем подставлять свои бутылки в нашем баре и чаевые в копилочку складывать? – чтобы несколько разрядить пафосную обстановку, съехидничала Карина. – Ох, долго же нам ждать придётся. Ресторан дорого стоит.

– Сейчас мы не на ресторан копим, – не оценила юмора Марина. – А на нашу независимость. Ты это понимаешь?

– Да, понимаю, – интонация Карины почти не изменилась.

– Слушай, Карина, давай, раз ты такая вредная, я тебе ничего больше про это говорить не буду. – Марина редко обижалась, но сейчас, кажется, готова была заплакать.

– Ну что ты, Мариночка! – бросилась к ней сестра, забралась под одеяло, обняла её и задышала в самое ухо – от этого Марина всегда начинала смеяться: ей было щекотно.

Но сейчас она лежала маленькой жёсткой мумией, смотрела куда-то в потолок и думала, стиснув зубы. Каринины уговоры и подлизывания на неё не действовали.

И тогда заплакала Карина:

– Конечно, вечно у тебя дела, вечно ты меня бросаешь, с Русланом этим, всё у тебя планы, а я одна тут сижу, как дура... Все думают, что я такая квашня, тюха, а ты принцесса-королевна! Так я по жизни и буду всегда у тебя в хвосте плестись!

Карина знала, на что надо давить, чтобы разжалобить сестру. Марина тут же вскинулась:

– Каринка, да ты что! Что ты городишь? Для кого я стараюсь? Чтобы нам с тобой было хорошо! Не хочешь ты ресторан, ну и не надо, будешь дома сидеть, крестиком вышивать и голубей с балкона кормить французскими булками. Ну что ты плачешь, Кариночка!

– Я не плачу, Марина, я просто бою-ю-у-сь... – захлебнулась плачем Карина.

– Чего боишься?

– Они все страшные люди, ну, там, куда ты хочешь. Посмотри, этот Руслан только с тобой хороший, а как он на нашего директора наезжает? Он Альбину чуть не задушил, помнишь, девчонки рассказывали...

– Меня не задушит, – уверенно сказала Марина, вытирая слёзы с лица сестры. – Я и правда, когда надо, девушка суровая. Так что со мной он будет такой, какой мне нужно. Я в нём такую педаль знаю, что я только ногу на неё занесу, а он уже строиться в линию у меня будет. И уже сейчас строится.

– И зачем он тебе тогда нужен?

– Он мне вот именно сейчас нужен. А «тогда», то есть в будущем, мы посмотрим, что мне окажется нужно. Ведь правильно? – Марина заглянула в лицо сестре.

– Посмотрим, – всхлипнула Карина. И улыбнулась: она всё-таки безгранично верила в то, что сестра всегда права. От этого ей становилось спокойно. А состояние покоя было, пожалуй, самым приятным для Карины.

Марина не могла сказать, что ей сильно нравился Руслан – её первый мужчина. Но порой он даже её восхищал, потому что был красивым, удобным и благородным. А что ещё нужно было девятнадцатилетней девушке, работающей по двенадцать часов два дня подряд? Работать меньше она не могла и уходить со своей работы, несмотря на горячие просьбы Руслана, категорически отказывалась.

Как выяснилось, Марина умеет держать интерес и внимание к себе очень долго, да ещё и усиливать его. Вскоре все друзья и знакомые Руслана были очарованы ею. А в их числе и владельцы ресторана. Директор ласково здоровался с Мариной и порой долго смотрел ей вслед. И больше никогда и никто не путал Марину с Кариной, разве что клиенты.

Долг, который висел над Кариной и Мариной и поначалу пугал их, а Карину особенно, оказался не таким уж страшным. Марина это быстро поняла, а потому ещё давно содрала нужную сумму с клиентов, употребляя не так уж много изворотливости и сил. Выплатили девчонки всё, а затем Марина ещё и Руслану пожаловалась, и тот клятвенно пообещал тогда, что оплатит любую претензию, которую ресторан предъявит Марине и её сестре.

Особенно часто видеться с Русланом Марине не позволяли дела, из-за которых он иногда надолго пропадал из Москвы. Это очень нравилось Марине, потому ни его, ни чьего-нибудь другого общества, кроме Каринино, она не могла выносить долго.

Зато каждый приезд Руслана был настоящим праздником. Карину совсем не радовали загулы, езда по ночным заведениям, роскошные шашлыки на дачах, катера, лодки, лошади и стрельба. Марина же находилась на седьмом небе от счастья на этих безумных праздниках.

Однажды на даче Руслан рассказал легенду о том, как четыре верных джигита спасали дочку одного царя от врагов. Долго продолжалась погоня, пали лошади у верных джигитов, пали у врагов. А впереди была река. Как же перевезти принцессу на тот берег? И верные джи-

гиты придумали – постелили на воду ковёр, взяли его за четыре угла, сильно натянули, посадили царевну и бросились в реку. Долго боролись они с волнами, но ни одна капля не залила ковёр. На берег принцесса сошла совершенно сухая. А там ждал её отец. Наградил храбрых джигитов, а место, где переплывали они реку, до сих пор в народе называется «Ковёр принцессы».

И, конечно же, Марина решила воплотить эту сказку в жизнь.

– Вашему вниманию предлагается воочию увидеть всемирно известную легенду. – По царски выступила она на середину освещенной костром площадки. – Кто хочет исполнить главные роли?

Все мужчины захотели быть рыцарями восхитительной Марины. Но она выбрала четверых – и верного Руслана, разумеется, в их числе.

О том, как опасно и страшно было плыть ночью по черной и холодной Москве-реке (в конце апреля), как захлестывала её вода и как, сидя на ковре, она теряла равновесие, до смерти пугая своих пловцов, Марина предпочитала больше никогда не вспоминать.

Они всё-таки доплыли до другого берега. Обратно за ними прислали моторную лодку, водку и сухую одежду. Гордые джигиты не желали показывать, как они замерзли и устали, Марина не выказывала ни тени испуга. И уж конечно не считала себя виноватой в том, что заставила четверых мужчин лезть ради её прихоти в ледяную воду. Все они, казалось, почувствовали её власть и, как ни странно, были довольны этим.

Когда Марина рассказала сестре об этом случае, Карина, естественно, отреагировала по-другому.

– Как ты могла?! – негодовала она. – А если бы из-за твоей дури с людьми что-нибудь случилось? Подумай! Судорогой свело бы ногу – потянуло б сразу на дно, и поди-ка найди человека ночью в темной воде. Ты соображаешь?

– Ну и ладно. Ведь никому ничего не свело? Нет. Пусть мужчинам ради меня не будет себя жалко. А то на шею сядут. – Марина закурила. – Пусть стараются. Даже если это всё у них показуха. Мне приятно. Для меня же показуха, не для кого-то ещё.

– Я бы так не смогла. И уж Руслана, если б он мой был, не пустила точно. – Карина, кажется, всерьёз задумалась над этой историей. – Это игра всё, фитюлька. Вот если бы правда опасность – тогда конечно. Тогда можно на мужчин рассчитывать. А просто так – нет. Жалко ведь их, Марин.

– Нет уж, – с серьёзным видом покачала головой Марина, – когда реальная опасность, тогда я точно ни на кого из них рассчитывать не буду. Тогда я только сама за себя. Пусть уж сейчас они передо мной понтуются. А это так, можно сказать, проверка на лояльность и преданность, Каринка, это фигня, но очень важная. Люди очень хорошо в таких ситуациях раскрываются, истинных себя показывают. Хоть и с понтами.

– Ну-ну...

...Майская ночь была великолепна. Тёплый воздух обволакивал и обнимал невидимыми руками – словно мир чувствовал, как устала носиться целый день по ресторану бедная официантка.

Карина и Марина возвращались домой. Они с удовольствием прошли почти целую остановку пешком – так хорошо было на улице, но дальше идти прогулочным шагом уже не имело смысла.

– Все, хорош гулять, ловим тачку, да? – Марина протянула руку.

Остановились «Жигули». Вдохнув как можно больше ночного воздуха, Карина забралась на заднее сиденье машины, шофер обернулся, чтобы посмотреть, хорошо ли она захлопнула дверь, – и Карина так и забыла, что воздух пора бы выдохнуть. Такого доброго и милого лица она ещё не видела.

Парень улыбнулся, перевел взгляд на Марину, которая устраивалась на переднем сиденье, затем опять на Карину и ойкнул:

– Ой, а вы двойняшки?

– Нет! Мы не двойняшки! – громко крикнула Марина, махнув рукой. После смены она выпила с Ореховой и Павликом, это наложилось, конечно, на майский пьянящий воздух и усталость, так что Марина была в весёлом и громогласном настроении. – Тройняшки мы! Ха-ха-ха! Шутка. Поехали! Везите нас домой! Домой. Я ехала домо-ой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.